

CRIME & PRIVATE

анна
Данилова

ПОЖИРАТЕЛИ ТАЛАНТА

СЕРЕБРЯНАЯ ПУЛЯ В СЕРДЦЕ

Crime & private

Анна Данилова

**Пожиратели таланта. Серебряная
пуля в сердце (сборник)**

«Автор»

2014

Данилова А.

Пожиратели таланта. Серебряная пуля в сердце (сборник) /
А. Данилова — «Автор», 2014 — (Crime & private)

Пожиратели талантаБледная кожа, огненно-рыжие волосы, красивое вечернее платье и ужасные кровоподтеки по всему телу – такой увидели известную поэтессу Любовь Горохову сотрудники полиции, прибывшие на место преступления... Она писала о любви и смысле жизни, о предназначении поэта и поэзии – а ее жестоко убили в грязном подвале жилого дома. А чуть позже в квартире Любви обнаруживают еще два трупа: ее друга-мецената, помогавшего издаваться, Северцева, и его старинного приятеля, поэта Мещерского. Создается впечатление, что кто-то задался целью убить самых талантливых литераторов в городе!..Серебряная пуля в сердцеСтелла была зверски убита одним ударом в актовом зале гимназии... Нину кто-то жестоко умертвил в ее собственном доме... Тамара встретила ужасную смерть в туалете ЗАГСа... На первый взгляд их не связывало ничего, кроме абсолютно одинаковых кулонов на шее – золотых монет с изображением дамы в шляпке. За расследование берутся профессионалы: успешный адвокат Лиза Травина и ее незаменимые помощники – Глафира и Денис. Жертв может быть и больше, ведь всего изготовлено пять подобных золотых украшений. Но остальные «счастливицы» еще не подозревают о реальной цене таинственной дамы в шляпке...

© Данилова А., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Пожиратели таланта	6
1	6
2	10
3	16
4	21
5	24
6	28
7	32
8	36
9	41
10	48
11	55
12	59
13	64
14	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Анна Данилова
Пожиратели таланта.
Серебряная пуля в сердце

© Дубчак А.В., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пожиратели таланта

1

– Ты садист, Сережа: вытащить меня так рано из теплой постели. Оторвать от мужа... Привезти в этот подвал только для того, чтобы что-то там показать... Куда мы едем?
– На Аткарскую.

Лиза, худенькая русоволосая молодая женщина, одетая в джинсы и свитер, сидя в машине, спросонья разговаривала с Мирошкиным, следователем прокуратуры, таким расслабленно-капризным тоном, который могла позволить себе исключительно в присутствии трех человек на всем белом свете – Глаши, своей помощницы, мужа Дмитрия Гурьева и верного друга и тоже помощника Сергея Мирошкина. Правда, с недавних пор в ее адвокатской конторе, которой она заправляла вот уже несколько лет, завоевав авторитет талантливого адвоката и «тайного» следователя, работал еще один человек, почти мальчишка, – Денис Васильев. Вот по отношению к нему она с самого начала взяла чуть ли не материнский тон, о чем потом пожалела: пусть он и мальчишка, ему всего-то двадцать восемь, но уж в сыновья-то он ей точно не годится. Она рядом с ним смотрится как его сестра или подруга. Может, когда-нибудь, когда она привыкнет к нему настолько, что будет воспринимать его как близкого человека, как Глафиру, например, возможно, она и расслабится в его присутствии, позволит себе просто его не замечать...

И вообще, при чем здесь Васильев, когда сейчас, ранним прохладным весенним утром, она спускается в подвал девятиэтажного дома, уже трагически «помеченного» присутствием черной прокурорской машины и обшарпанного микробуса экспертов, а из темного зияющего прямоугольника дверного проема несет сыростью и запахом смерти...

...Они спустились по бетонной, в три ступени, лестнице и оказались в узком коридоре, заваленном мусором. Слева кто-то, очень нагловато-хозяйственный, лет десять-пятнадцать тому назад, если судить по состоянию прогнивших досок и отсутствию двери, отгородил для себя сарайчик, который сейчас был залит неприятным светом прожектора, высветившим, как на сцене, центральную фигуру недавней трагедии – привязанную к старому венскому стулу девушку. Мертвую, с кляпом во рту. Она была изуродована чьей-то жестокой и сильной рукой – сломан нос, разбиты губы, лицо раздулось, посинело и было залито кровью. Ярко-рыжие волосы локонами свисали на грудь и плечи. На девушке было пестрое зеленовато-оранжевое вязаное платье, порванное на груди. Кожа, видневшаяся сквозь изорванное, превращенное на груди в редкую сетку из толстых шерстяных ниток полотно, была белой, словно припудренной. Лиза подумала, что такой невероятной белизны кожа может быть лишь у натуральных шатенок и что этот красивый медно-красный цвет волос наверняка когда-то давно давал повод злым и жестоким сверстникам дразнить обладательницу этой роскошной гривы не иначе как «рыжая-рыжая, конопатая»... И не факт, что это она, рыжая, убила дедушку лопатой. Убили как раз ее. И Мирошкин позвал Лизу, чтобы она помогла ему разобраться с очередным делом.

– Кто ее нашел? – спросила она Сережу вполголоса, осторожно разглядывая мрачноватые фигуры приехавших сюда прокурора города и полицейских.

– Бомж, кто же еще может оказаться в такой дыре ночью... Он поссорился, как он говорит, с друбаном из соседнего подвала, тот избил его и выгнал, что-то они там не поделили. Вот этот гном...

Лиза только что заметила сидевшее прямо на цементном полу, в самом углу подвала, существо в серых обносках и тускло-красной шапке, надвинутой на самый лоб.

– Вот этот гном и спал рядом с ней... А когда проснулся – может, от запаха, – посветил спичками, увидел и – ходу... Во дворе он столкнулся с мужчиной, который выгуливал свою собаку, и сказал, что в подвале труп. Тот быстро среагировал, позвонил... Вот и все, собственно.

– Понятно. Кто она?

– Ни сумки, ни документов... Личность пока не установлена.

– А от меня ты чего хочешь?

– Лиза! – выдохнул ей Мирошкин прямо в ухо. – Мне кажется, что это дело как раз для твоей Глафиры. Она обожает такие истории. Таинственная незнакомка и все такое... Личная бурная жизнь, ревность... Кажется, она собирается записывать все ваши дела? Так сказать, мемуары, ну, как Ватсон...

– Мирошкин, замолчи. Ничего такого она записывать не собирается. Все это твои выдумки...

– Она сама со мной своими планами делилась.

– И вообще, что это ты так развеселился?

– Я? Нет, просто это нервное. Как ты думаешь, за что ее так?

Между тем тело уже отвязали от стула. Пришли санитары и уложили его на носилки. Лиза не сводила глаз с золотых кудрей девушки. Успела отметить про себя, что при жизни она была невысокого роста, с круглым полным лицом и маленьким курносый носом. Что-то знакомое проступило на фоне всего этого зрительного кошмара.

– Хорошо. Тогда скажи мне, почему ты привез сюда не Глашу, а меня? – заныла она на ухо Мирошкину.

– Потому что она без твоего ведома и шагу не ступит.

– Знаешь, Сережа, по-моему, ты действительно прав и дело обещает быть интересным. Вот только мы с Гурьевым собрались в отпуск. На острова. Подальше от всех этих трупов и разборок...

– Ну, тогда извини... – Неожиданно Мирошкин отстранился от нее и с деловым видом подошел к эксперту. Лиза видела, как он шепотом переговаривается с ним.

Обиделся. Как пить дать обиделся. И он прав. Сколько раз они расследовали дела параллельно, и всегда все, что касалось официальной стороны работы (в особенности экспертизы или оперативных данных), ей поставлял верный друг Сережа Мирошкин. И вот теперь, когда он, вероятно, почувствовал, что дело, которое ему поручили, обещает быть сложным и, быть может, даже громким, потому что журналисты уже к утру пронюхают про золотоволосую мученицу, он обратился за помощью к Лизе – а она отказывает ему...

Когда он вернулся к ней, она со вздохом произнесла:

– А что, если удастся быстро установить личность жертвы и ты сам вычислишь убийцу?

– Острова от тебя не уплывут, – пожал плечами Сережа. – Так как?

– Пришли мне на почту снимки, потом подождем результатов экспертизы.

– Послушай, они сейчас уедут. Уверен, что здесь, в подвале, останется что-то, на что они не обратили внимания. Ты знаешь, о чем я.

– Хорошо. Я подожду на улице, позвоню Глаше и попрошу ее приехать сюда. Мы попробуем что-нибудь найти. Жаль, конечно, что нет личных вещей...

– А тебе ее лицо не кажется знакомым?

– Кажется. Но, когда я думаю о ней, представляется почему-то кухня, какие-то большие кастрюли...

– Может, она работала в «Ностальжи», в ресторане, где обитает бывший Глашин муж, бармен Адам?

– Не знаю... Я попытаюсь вспомнить. Ты же знаешь, у меня неплохая память на лица. Ну, теперь все? Я могу выбраться из этого подвала?

– Я помогу тебе. Вот только с шефом поговорю. Он и так бросает на меня страшные взгляды. Он же знает тебя, и Гурьева твоего тоже.

– Думаешь, ревнует? Ему не нравится, что мы с тобой нередко работаем вместе?

– Нравится не нравится, но ему ли не знать, что наша раскрываемость без твоей помощи выражалась бы совершенно другими цифрами!

– Вот именно! – улыбнулась Лиза. – А то, что благодаря нашим совместным усилиям многие дела разваливались прямо на его глазах, так это, извини меня... Нечего шить тюремные штаны для невиновных. Но все равно, подойди к нему, послушай, как он начнет произносить свои умные наставления и отдавать приказы... Господи, как же хорошо, что я сама себе хозяйка! Никогда не смогла бы работать под руководством таких вот серьезных дядек, честное слово.

Мирошкин подошел к прокурору. Лиза краем уха слышала их разговор. Разыскать убийцу... в кратчайшие сроки... журналисты уже на хвосте... начальство... раскрываемость... тщательно проработать... экспертиза...

Лиза не стала ждать окончания этого пустого разговора, поднялась наверх, вдохнула свежего воздуха и огляделась.

Унылый двор обычной девятиэтажки в самом центре города. Девушке предварительно засунули кляп в рот, чтобы она не кричала. Но какие-то звуки она все равно же издавала. Мычала, стонала, хрипела. И никто ее не слышал. Никто. Все жители этого дома в тот час, когда ее мучили, убивали, занимались своими повседневными делами: ужинали, пылесосили, смотрели телевизор, разговаривали, слушали музыку, болтали по телефону...

Лиза позвонила Глафире:

– Глаша, привет. Извини, что так рано разбудила. Меня Мирошкин привез на место преступления...

Глафира, не так давно кардинально изменившая свою личную жизнь, выйдя замуж за Дмитрия Родионова, крупного бизнесмена, отца двоих сыновей, но продолжавшая работать вместе с Лизой в адвокатском бюро, внимательно выслушала Лизу.

– Будем работать? – спросила она, и по ее тону Лиза поняла, что Глаша заинтересовалась этим убийством.

– Да я и сама не знаю. Представляешь, в кои-то веки собрались с Димой отдохнуть, а тут вдруг и у него какое-то очень важное дело образовалось, он мне вчера вечером сказал, и теперь вот Серега просит меня помочь. Знаешь, у него нюх на такие, казалось бы, безнадежные дела. Словно чувствует он, что в одиночку не потянет. Ты знаешь, я всегда рада ему помочь, тем более что и он нам оказывает прямо-таки неоценимые услуги. Но когда-то ведь надо и отдыхать! Словом, накрылся мой отдых, Глашенька. А у тебя-то как дома? Все нормально?

Глаша в двух словах рассказала о том, что сейчас в их доме гостит двоюродная сестра мужа, Надя, бездетная, одинокая и очень славная женщина, которая с радостью присмотрит за детьми, покормит их, отвезет в школу и в детский сад. Что она, возможно, некоторое время поживет вместе с ними, осмотрится, может, подыщет себе работу, а если нет, то останется у них вместо няни.

– Главное, – сказала напоследок Глафира, – чтобы ей у нас понравилось, чтобы она не заскучала. А так, характер у нее прекрасный, она уживчивая, спокойная, доброжелательная. Если все сложится, я смогу спокойно работать, понимаешь?

– Понимаю, Глаша, я все понимаю. Сейчас официальная часть в подвале закончится, все разъедутся, и вот тогда мы поработаем, попробуем отыскать, как бы это помягче выразиться, незамеченные «профессионалами» улики...

Вылезли на свет божий из подвала, отряхиваясь и жмурясь от бледного утреннего солнца, и прокурор с Мирошкиным. Сергей подошел к Лизе. У него был вид человека, которого только что незаслуженно оскорбили.

– Ну что там еще? Что Герман говорит?

Герман Туров, судмедэксперт и друг Мирошкина, в это утро выглядел лишь чуть получше жертвы, которую осматривал.

– Махмурлук?

– Махмурлук, – ответил Мирошкин.

Лиза рассмеялась. Это смешное слово она выудила из Интернета, в переводе с турецкого оно означало глубокое похмелье.

– Только бы он не запил, как известный Чайкин... – вздохнула Лиза, имея в виду талантливейшего Геру Турова.

– Он осмотрел ее, изнасилования не было, это точно. Ее просто избивали. Но не просто для того, чтобы убить, а именно, чтобы причинить боль. Возможно, этот мерзавец и не предполагал, что она не выдержит побоев. То есть если бы он хотел ее убить, то сделал бы это как-то иначе.

– Пытался, вероятно, что-то у нее узнать?

– Возможно. Но это и не садист, точно... Скорее всего, какой-то пьяный идиот, который от нее чего-то хотел. Вот где-то я ее уже видел, честное слово! Но если у тебя она ассоциируется с кастрюлями, то у меня – с мороженым.

– Что нашли?

– Следы обуви на полу. Но ты сама видела, какой там пол – труха какая-то, грязь... Там мог ходить кто угодно. Рядом со стулом тоже полно следов. Но там же этот гном ночью топтался, пока не утомился и не пристроился в углу на каких-то картонках. Ни пуговиц тебе, ни окурков. Разве что отпечатки пальцев на стуле.

– Посмотрим. Знаешь, у меня есть предложение. Пока Глафира сюда доберется, мы могли бы, к примеру, попросить полицейского покараулить подвал, а сами бы в это время сходили куда-нибудь выпить по чашке кофе, а? Ты как?

2

То, что она затеяла, ей и самой казалось бредом, чем-то ненормальным, патологическим. Но, с другой стороны, существовали знаки судьбы, которые словно подсказывали ей, что надо делать, как себя вести. Как если бы на великой чаше весов справедливости стрелка качнулась в сторону счастья и покоя.

Слишком уж много ей пришлось пережить за всю свою не такую уж и длинную жизнь. Тридцать пять лет – не такой возраст, чтобы замуровывать себя на работе или дома. Надо жить, наслаждаться всем тем, что прежде было ей недоступно по разным причинам.

Что-то произошло в ее сознании, не сломалось, а словно бы наоборот: в душе расцвел пышный розовый куст. Он сладко благоухал и предлагал ей оглядеться по сторонам и увидеть мир другими глазами. Все вокруг – и весенний ветер с запахом утреннего дождя и пробуждающейся листвы, и чистые бледно-голубые облака, которые она рассматривала теперь с каким-то особым чувством, словно причащаясь к самой Вселенной, – шептало ей о любви, толкало в спину: мол, иди, распахни свое сердце тому, кого ты любишь, и никого не бойся! И когда же, как не теперь, воспользоваться сложившимися обстоятельствами и тем состоянием души, чтобы соединиться с мужчиной, который вот уже несколько лет снится тебе, который лишь во сне целует твои холодные, ставшие почти бесчувственными губы, обнимает тебя за талию и привлекает к себе, чтобы утопить тебя в своей нежности...

...Валентина очнулась.

Она сидела в ресторане «Кабанья голова», ковыряла вилкой какой-то сложный салат из перепелов с черешней и смотрела на пылавший в камине огонь.

Припозднившаяся весна еще не принесла тепла, и по вечерам было прохладно. Поэтому в каминном зале ресторана, словно по зимней, уютной привычке растопили камин, и теплые блики огня сверкали на хрустальном графине, фужерах с вином. Оранжевые огненные фигуры танцевали и на стенах, украшенных охотничьими ружьями, старинными пистолетами, чудовищно страшными, выполненными доморощенными таксидермистами чучелами животных и птиц. Было и тепло, и холодно одновременно. Почему-то стыла спина, как если бы за ней, зацепившись за зародыши крыльев, тянулись заledenевшие кадры из ее прошлой невеселой жизни, полной стыда, унижений и одиночества.

И, хотя оглядываться не хотелось, она всегда помнила о том, что ее прошлое – это такая же часть жизни, как и та, что привела ее в этот дорогой ресторан, в теплых декорациях которого она собиралась разобраться со своим счастьем. И прошлое свое она должна любить, потому что это – пусть и умершие, но ее чувства, ее мысли и надежды.

Казалось, не так давно она подобрала с улицы красивого парня с красивым именем Максим. В нем все было максимально прекрасно. И непонятно было, почему же его выгнала жена.

Он стоял на обочине дороги, в самом центре города, одетый не по погоде (была осень, лил холодный дождь) в джинсы и тенниску, и пытался поймать машину. Валя, возвращавшаяся в это время с работы, притормозила, пожалела парня да и привезла к себе. В душу не лезла, отпаивая его горячим бульоном и коньяком. Одеда его в свой свободный бесполоый свитер, домашние фланелевые штаны, дала пуховые носки. Грейся, бедолага.

Неделю в постель свою его не пускала. Заботилась – ненавязчиво, вопросов не задавала, чувствовала, что он сам все расскажет. Выяснилось, что он потерял работу, в доме был скандал, и жена выгнала его, сказала, что с таким характером, как у него (имелись в виду его мягкотелость, уступчивость и еще куча прекрасных немужских качеств), он не имеет права считать себя семьянином, что ему нельзя доверить детей, которые, того и гляди, с голоду умрут. Накрутила себя девочка, подумала Валентина, с тоской разглядывая чужого мужа и едва сдер-

живаясь, чтобы не дотронуться до него, понять, что он ей не приснился, что этот мужчина, безжалостно выброшенный на улицу женой, теперь живет в ее квартире и спит всего лишь в нескольких метрах от ее кровати.

Он называл себя, живя у нее, домашним животным, ни на что не способным, слабым и никому не нужным. Лениво так занимался самобичеванием. Валентина же, сторавшая вот уже несколько лет от любви к другому мужчине, и тоже женатому, который был одним из ее строгих начальников и которым она любовалась в течение всего рабочего дня и даже больше (в те дни, когда она тайно следила за ним после работы), начала спрашивать себя: может, ей стоит воспринять Максима как знак? Такой породистый, роскошный знак судьбы: мол, съешь его, Валя, возьми его, сделай из него мужа, нарожай ему детей?..

Искать работу Максим не торопился. Все сидел дома, чистил картошку, пылесосил, читал книги, валялся на диване перед телевизором, бегал за продуктами в соседний супермаркет, выносил мусор. Проснувшись в Валентине женщина посмеивалась над этим набирающим мужскую силу самцом. Пусть, думалось ей, он сначала выберется из депрессии, позволит пробудиться своим здоровым желаниям, а там видно будет. Или вернется к жене, или...

Она ни на минуту не забывала о том, что старше его, что совсем некрасива (время от времени сама жизнь, в лице жестоких подруг или даже мужчин, напоминала ей об этом), что у нее мало шансов...

А красота женщины играет в жизни любого мужчины чуть ли не самую важную роль...

...От воспоминаний ее отвлекла молоденькая официантка, подошедшая к ней с вопросительным выражением лица.

– Девушка, мне пятьдесят грамм коньяку и лимон. Остальное, как я и говорила, после того, как подойдет мой гость, – сказала Валентина тоном, которому удивилась сама. Еще не так давно она была другим человеком и просто не посмела бы так разговаривать с официантами. Возможно, она и произнесла бы те же слова, но совершенно другим тоном. Как же она изменилась – внешне и внутренне.

Она вновь погрузилась в свое прошлое, и остальную часть воспоминаний, связанных с Максимом, память пронесла перед ее мысленным взором вихрем отвратительных сцен: начиная от постельной, первой и последней, когда все прошло пошловато-неуклюже, как это бывает, когда мужчина вдруг превращается в животное, и заканчивая еще более мерзкой картиной появления на арене действий жены Макса. Худенькая маленькая женщина взорвала тишину ночной квартиры наглыми пронзительными звонками и, когда Валентина открыла ей дверь, спросонья не поняв, кто потревожил их в столь поздний час, ворвалась в дом и с криком: «Где эта скотина?!» – прямиком, словно уже много раз бывала здесь, направилась в спальню. И там, выудив из теплой постели муженька, взяшей погнала его к двери, бросая ему в спину комки по-хозяйски ловко собранной в спальне одежды. Максим, спросонья вращая глазами и еще не успев решить, радоваться ли ему возвращению в семью или нет, выглядел жалко: полуголый, растрепанный, с идиотской улыбкой на лице.

Последней каплей послужили суетливые поиски кед. Эта маленькая злая женщина, вывалив из обувной тумбочки в прихожей всю обувь, с каким-то наглым остервенением принялась искать мужнины кеды, в которых он был, когда она выгнала его из дому. Бормоча про себя: «Господи боже мой, и к какой же уродине прилепился, сучий потрох!» – она выволокла зимние сапоги соперницы и «воровки» из самого угла тумбочки, отшвырнула их в сторону, сильно ударив при этом стоявшую поодаль Валентину, одетую в ночную сорочку.

Через мгновение этот же роковой сапог кремового цвета с острым тонким каблуком обрушился на голову официальной владелицы Максима, после чего та, взвизгнув, принялась орать,

обзывая потерявшую контроль над собой Валентину самыми последними словами, наиболее мягкими из которых были выражения «наглая стерва» и «старая корова».

В подъезде между тем содрогались перила – это Максим, перескакивая через ступени, словно напрочь забыв о существовании лифта, бежал, летел прочь – то ли от оскорбленной в своих самых лучших чувствах Валентины, то ли от расвирепевшей супруги, но, скорее всего, от самого себя – безвольного, никчемного мужичонки, единственным достоянием которого была смазливая физиономия да еще кое-что, данное ему природой, но чем он к своим тридцати с небольшим годам так и не научился правильно пользоваться.

Поглядывая на малиновую портьеру, закрывавшую густыми складками арку, откуда появлялись посетители ресторана, Валентина уже несколько раз внутренним взором видела знакомый силуэт и даже вздрагивала, словно это был реальный человек, а не продукт ее разыгравшейся фантазии. Но он, мужчина ее мечты, обитатель ее волшебных снов, был пунктуален (это она знала, поскольку каждый день сталкивалась с ним по работе), стало быть, должен прийти через пятнадцать минут, не раньше. И эти пятнадцать минут ей надо как-то прожить, нет – пережить, чтобы встретить его достойно, с гордо поднятой головой, а не в виде раскисшей от собственной растерянности и неуверенности женщины.

Предложение, которое она собиралась ему озвучить, представляло собою продукт деятельности больного мозга. Так, во всяком случае, он наверняка подумает, едва услышит его. А может, и скажет ей это вслух. И, не притронувшись к вину, а тем более – к закускам, встанет, вертя головой, чертыхаясь про себя и разводя руками – мол, что же это такое творится, меня окружают одни психопаты, – быстрым шагом покинет ресторан. На самом же деле то, что она собиралась ему предложить, было не что иное, как тщательно обдуманное, с горьким привкусом отчаяния, желание быть счастливой. И если он умен, каким он ей представляется, и добросердечен, то непременно поймет ее, и пусть не согласится принять ее предложение, но хотя бы проведет с ней этот вечер. Единственный вечер. Что же касается того, что, поджидая его и нервничая, она вспоминала свою постыдную связь с Максимом, так одно не вышло бы без другого... И если бы в ту жуткую ночь, когда она, не помня себя от злости и унижения после того, как ее обозвали старой коровой, не выбежала из дома и не приняла бы решение – все бросить и уехать, – разве сидела бы она сейчас здесь, смотрела бы с надеждой на эту малиновую портьеру?..

Она достала из сумочки пудреницу, открыла ее, звонко щелкнув. Ей нравилось, что в этом круглом увеличительном зеркале она видит что-то одно – свои глаза, например, или губы. По отдельности. Красивые длинные глаза изумрудного цвета и полные, красивой формы губы. Все остальное, чем она владела, Господь явно сделал впопыхах. Или наоборот – засыпая на ходу. Думая так, она всегда представляла себе смешного, с добродушной миной, Создателя с рисунков Бидструпа, который лепит из божественного материала женщину. Засмотревшись на пролетавшего мимо ангелочка, он чрезмерно удлинил ее лицо. В особенности из-за его рассеянности пострадал и крупный, словно недоделанный, забытый Создателем нос и оставленный Им в созерцательной задумчивости высокий лоб. А вот уши получились, наоборот, слишком маленькими, изящными, красивой формы, как если бы над ними потрудились с особым, божественным вдохновением. О теле можно было и вовсе забыть, как забывают детей-уродцев в родильном доме или подбрасывают их в приют. Нескладная фигура, широкие плечи, плоская грудь, узкие бедра, худые ноги – Господь явно спешил, лепил как мог, забывая, вероятно, время от времени, кого именно он творит – женщину или мужчину.

Хорошо, что женщина получилась хотя бы высокая, с горькой усмешкой думала о себе Валентина, покупая обувь на высоком каблуке, понимая, что именно каблук обладает каким-то

волшебным свойством преобразать фигуру, делать ее более женственной. При этом меняется осанка, да и грудь как будто увеличивается, а бедра, наоборот, немного раздаются и покачиваются при ходьбе...

– Валентина? Добрый вечер.

Она вздрогнула, словно ее коснулись электрошокером. Медленно поворачивая голову, она молила бога о том, чтобы этот голос принадлежал уже реальному Игорю Абросимову, а не призраку.

– Добрый вечер, Игорь Николаевич, – она с трудом заставила себя не вскочить, а сдержанно поздороваться со своим начальником. Предложить ему руку для поцелуя она не решилась, понимая, что этим театральным жестом может лишь только все испортить. Зато он, словно оценив ее, роскошную и нарядную в этот вечер, сам склонился и поцеловал ее руку.

Строгий костюм, белоснежная сорочка, грустная улыбка.

– Валентина, вы сегодня очень хорошо выглядите, – сказал он, улыбаясь одними губами. Серые глаза его были печальны.

– Спасибо.

– Скажу сразу, чтобы все прояснить, – неожиданно начал он, лишая ее возможности первой объяснить истинную причину этой опасной затеи, – я пришел сюда не потому, что вы заинтриговали меня желанием рассказать мне о том, что вытворяет за моей спиной наш уважаемый шеф – это его игры, и я хотел бы остаться в стороне. Просто в последнее время у меня нет ни одной свободной минутки, я вообще забыл, когда отдыхал. Да и обедаю я в нашем кафе, ну, вы знаете, за углом, где отвратительно кормят, и не завтракаю совсем, мне моя секретарша варит кофе, и хорошо, если она купит рогалик... На ужин же у меня в последнее время одни замороженные пельмени, а пообедать в ресторане в одиночестве мне как-то не приходило в голову. А тут... ваше предложение.

Валентина, нервно шурясь, молча слушала его объяснения.

– Словом, я просто решил провести этот вечер в спокойной обстановке, с дамой, поужинать, расслабиться... Я приехал на такси, поэтому могу и выпить. Или вообще напиться, – и снова эта странная, пробирающая до слез, убийственная улыбка.

Его густые каштановые волосы блестели от обилия ярко горевших электрических факелов, которыми были украшены стены ресторана. Валентина мысленно провела рукой по его волосам, задержалась на бледных щеках. Кожа была гладкой, теплой.

– Давайте сначала выпьем, а потом я расскажу вам, зачем я вас сюда пригласила, хорошо? – Ее голос тоже звучал как-то неестественно. – Через минуту нам принесут салат, потом горячее... Я не знаю ваших вкусов, поэтому рискнула и заказала то, что люблю сама. Думаю, вам понравится...

– Все равно... Честно говоря, я ужасно голоден.

Подошла официантка, разлила вино и отошла, пробормотав: «Через пару минут все будет готово». Игорь Николаевич поднял свой бокал:

– Ну что ж, Валентина, выпьем за вас.

– За меня?

– Ну не за меня же... Оставайтесь всегда такой же немного странной, задумчивой, красивой...

Он прикрыл глаза, и Валентина подумала, что он ее явно с кем-то спутал или же проговорил все это по инерции, обращаясь к Женщине вообще. Подумала, но промолчала, не стала комментировать. Зазвенели бокалы, они выпили.

– Хорошее вино... что это у нас?

– Не знаю, я сказала, чтобы принесли самое хорошее красное вино.

– Знаете, я тоже не особый знаток вин, но, по-моему, это вино превосходное.

– Игорь, можно я буду вас так сегодня звать? Только сегодня? – Она замерла, опустив голову, словно готовясь к казни. Ей вдруг стало невероятно стыдно и страшно. А что, если, вдруг подумалось ей, взять и сбежать, ничего не объясняя? А утром написать заявление об увольнении. И все!

– Хорошо. Валентина, так что случилось?

– Значит, вас все-таки интересуют делишки вашего шефа? – нервно хохотнула она.

– Говорю же – к ним я не имею никакого отношения. Разве что он собирается меня за это самое и уволить? Вам что-нибудь известно об этом?

– Нет. Я вас обманула. Просто заманила сюда. Недолго думала, как именно сделать так, чтобы вы оказались заинтригованы и не отказались встретиться со мной... И вот – выдумала. На самом деле мне абсолютно ничего о нашем шефе не известно. Вы очень нравитесь мне, Игорь Николаевич. Я понимаю, что шансов на взаимность у меня нет и не будет...

Она вдруг увидела себя со стороны и как будто даже услышала свой голос, доносившийся откуда-то издалека. Грустный и отчаянный. С элементом предчувствия смерти. Так, как она, ведут себя люди, знающие наверняка, что скоро умрут. Вот они и пытаются перед смертью насладиться призрачным счастьем.

– Я знаю, что полгода тому назад вы развелись со своей женой, – вот теперь ее голос звучал даже как-то деловито, решительно, – что она ушла от вас. Вернее, никуда-то она как раз и не ушла и продолжает жить с вами под одной крышей. И что тот мужчина, на которого она вас променяла, – простой врач-офтальмолог, которому негде жить. Он поселился в вашей квартире, и теперь они вам оба треплют нервы... А вы ничего не предпринимаете, потому что вам попросту некогда. Да и дома вы бываете только ночью... Так?

– Да вы, оказывается, хорошо обо всем этом осведомлены.

– Все об этом знают. Вероятно, вы уже давно присмотрели квартиру, чтобы снять или купить ее, я не знаю... Но пока что еще никуда не переехали. Я следила за вами. Знаю приблизительно все ваши маршруты – с работы домой или в ближайший супермаркет, аптеку...

– Валя, чего вы хотите?

– У меня дом большой, – вот теперь она говорила очень быстро, глотая слова. – В Зоналке. На берегу реки. Очень большой дом. Красивый. Я понимаю, что скажу сейчас глупость и что вы, услышав это, подумаете, что я не в себе... Но я в полном порядке. Вернее, нет, не так. Я не в порядке. Даже совсем... Мне очень страшно там одной жить. У меня к вам деловое предложение. Вы не могли бы переехать ко мне? На год? Понимаю, это не так близко от нашей работы, но у нас же есть машины... Там чудесное место... очень красивое, а из спальни открывается вид на Волгу... На заливы, острова... Я готова заплатить вам, чтобы вы только переехали ко мне...

– Валентина, что вы такое говорите?! – Абросимов опустил бокал. Откинулся на спинку стула и посмотрел на нее, нахмутив брови. – Может, я чего-то не понял? Вы предлагаете мне пожить у вас – или с вами?

– У меня. И... со мной...

– Как квартирант?

– Не совсем... Я заплачу вам сто тысяч евро за то, чтобы вы жили со мной...

– Сколько-сколько?.. – Он тихо, но не зло, засмеялся.

– ...чтобы вы жили со мной как если бы мы были муж и жена! – выпалила она.

Брови его взлетели вверх.

– Ну, то есть... – Она растерялась, и все слова, которые она копила, готовясь к этой встрече, разлетелись, растворились в ресторанных музыкально-шелестящих звуках.

– Вы хотите мне, еще не остывшему от брака человеку, объяснить, что это такое – жить как муж и жена? – продолжая улыбаться, сияя какими-то уже невероятно веселыми глазами, переспросил Абросимов, и Валентине стало еще страшнее. Ее даже затошнило. Мысленно она уже писала заявление об уходе и собирала вещи, чтобы уехать к маме, подальше от этого проклятого города...

– Все, кроме интима, – выдала она самое важное, что приберегла напоследок, густо при этом краснея. – Мы будем вместе завтракать, разговаривать, ездить на работу и с работы, обедать, ужинать, устраивать пикники, гулять, совершать какие-то поездки – словом, жить... вместе...

– Вы что, больны? – вдруг тихо, внимательно глядя ей в глаза, спросил Игорь Николаевич.

– Вы имеете в виду – психически?

– Да нет... ну... Извините, может, у вас онкология, и вы... Как бы это сказать... решили напоследок...

– Нет-нет! Я абсолютно здорова. Совсем. Просто годы идут, и я патологически несчастлива. Я... влюблена в вас, – она вздохнула и даже как-то невзначай всхлипнула. – У вас – своя жизнь, и вы, понятное дело, не обращаете внимания на меня... Да и на работе-то мы пересекаемся нечасто... Я бы хотела видеть вас рядом с собой. Вы не подумайте, я не собираюсь покупать вас! Я только предлагаю разделить со мной один год вашей жизни. Чтобы глаза мои наслаждались вашим обликом, уши мои слышали бы ваш голос... Я хочу лишь немного счастья. А поскольку у вас есть своя жизнь, какие-то свои принципы, привычки... Словом, эти деньги я предлагаю вам как бы за беспокойство... Господи, ну я не знаю, как это все сказать, выразить словами!..

– Но это очень большие деньги... Откуда они у вас? Это же почти четыре миллиона рублей!

– Да у меня и нет этих денег... – Слезы хлынули, побежали по щекам, закапали на скатерть. – Просто ровно столько стоит моя квартира в городе... Так уж мне повезло, что мой отец был здесь не последним человеком и сумел позаботиться о семье... В сущности, это обычная квартира на Набережной, разве что большая и хорошо отремонтированная.

– Послушайте, Валя, вы вообще-то понимаете, о чем говорите?!

– Вот, я так и знала, что вы подумаете обо мне плохо... Но я не знала, как еще, чем я могу заинтересовать вас? Как сделать так, чтобы вы согласились? У вас нет своей квартиры, и когда еще вы ее купите, а так... Пожили бы на свежем воздухе... на Волге. Может, вы рыбалку любите...

– Люблю рыбалку... Я очень люблю рыбалку. Господи, Валя... – Он продолжал смотреть на нее недоуменным взглядом, все еще не веря тому, что услышал. – Неужели такое еще возможно?! Это же надо – на такое решиться... Мы же совсем не знаем друг друга...

– Ну и что?! И что? А вы представьте себе, что снимаете у меня дом или комнату. Многие так живут, совершенно чужие люди, – бок о бок. Но я, понятное дело, конечно же, не хочу, чтобы вы были моим квартирантом. Я же вам все объяснила...

– Значит, пикники, завтраки, беседы... Нет, вы уж извините меня, Валя, но я так не могу...

– Хорошо. Тогда и вы извините меня. Просто поужинаем... – Она, пылая от стыда, как-то вся подобралась, салфеткой утерла слезы, вздохнула. – Вон и ужин несут...

3

Приехала Глафира, и они с Лизой еще раз хорошенько осмотрели подвал. Улов их казался весьма скромным: зубочистка, колпачок от помады, фантик.

– С одной стороны, хорошо, что вы меня так рано не разбудили, – сказала Глафира, полненькая энергичная женщина, одетая в удобные широкие черные штаны и тонкий зеленый свитер. Глядя на нее, можно было подумать, что жертва совершенного в подвале зверского убийства и Глаша – две родных сестры, настолько они были похожи «мастью». Белая кожа, рыжие волосы, телосложение. – С другой – кажется, я все пропустила.

– Надеюсь, что рано или поздно им удастся все-таки установить личность погибшей, – ответила Лиза, вертя в руках фантик. – «Белочка». Да кто угодно мог обронить этот фантик. Ребенок какой-нибудь, забежавший в подвал по каким-то своим детским делам...

– Интересно, и какие это дела могут быть у детей в этом подвале?

– Они могли здесь прятать велосипед, мяч, какие-то предметы, сигареты, я не знаю... Вот лично я, когда была девчонкой, постоянно торчала в подвале своего дома, все выискивала что-то. У нас был старый дом с большим и темным сырым подвалом. Так вот, там была очень старая и, как нам всем тогда казалось, таинственная дверь. Уж чего только мы не фантазировали, представляя себе, что за ней может быть. Ну и потом, мы, конечно, не выдержали и открыли ее. Сорвали замок – били его камнем, выламывали, ужас! Открыли дверь и обнаружили там довольно-таки просторное помещение с полками вдоль стен. А на полках...

– Черепа со светящимися глазницами... – рассмеялась Глаша.

– Нет, не угадала. Там были папки с какими-то документами. Мы открывали каждую папку и, ничего не смысля в цифрах и записях, безжалостно рвали их, представляя себя героями, призванными спасти мир... Короче, натворили мы что-то нехорошее, как я сейчас понимаю. Хотя, с другой стороны, важную документацию вряд ли хранили в подвале старого дома. Разве что какую-нибудь никому не нужную бухгалтерию. Это – о подвале.

– Хорошо. Пусть ребенок развернул тут конфету и бросил фантик.

– Ладно, все это пустое. Что еще? Колпачок от помады. От дешевой помады морковного цвета. И запах отвратительный, помада дешевая и старая. Но цвет – красивый, насыщенный. Думаю, это колпачок от ее помады. Хотя, может, мне показалось, что ее разбитые губы были, помимо крови, вымазаны чем-то оранжевым. Я вполне могла предположить, когда разглядывала ее, что это либо налипшие на ее губы пряди волос, либо блики от этих поистине золотых прядей. Знаешь, у нее совершенно золотые, очень красивые волосы.

– Может, это парик?

– Нет. Я ведь видела ее так же близко, как тебя. Ладно, Глафира, пойдем отсюда. Меня прямо жуть берет, когда я смотрю на этот стул. Обрывки веревки, как ты понимаешь, эксперты взяли с собой. Пусть попробуют что-нибудь определить. И знаешь, меня все это время не покидало ощущение, будто я уже где-то видела эту девушку или молодую женщину. Даже не могу точно определить ее возраст. Тело взрослой, не худенькой маленькой женщины, а лицо... Какое-то детское. Бррр! И все в крови! Все, все, выходим отсюда. Поехали в контору, ты заварь чай, спокойно поговорим. Денис в прокуратуре?

– Да, звонил недавно, жаловался, что скучает, ничего интересного и полезного он пока еще не видел и не слышал, считает, что он там просто убивает время.

– Лукавит. Я приставила его к опытному следователю, Андрею Суровцеву. Пока у нас затишье, связанное с тем, что мы как бы решили с Димой отдохнуть, а потому и у вас с ним автоматически получается отпуск.

– Я-то понимаю, но ему там не нравится. Думаю, его просто не берут с собой на сложные, опасные дела, жалеют, может.

– Андрей знает, что делает. Возможно, Денис сейчас занимается документами, подшивает дела – учится, словом. В любом случае это полезнее, чем сидеть за компьютером и пить чай.

– Лиза, по-моему, ты к нему слишком строга. Он за компьютером тоже работал, изучал наши дела, досье, к тому же, если ты помнишь, я познакомила его с Герой Туровым, тот много раз ходил к нему в морг, тоже какие-то записи делал.

– Да-да, я все помню.

Телефон Лизы зазвонил.

– Слушаю. Кто? Ирина? – Она напряглась, словно вспоминая, какая именно Ирина ей звонит, потом вдруг лицо ее просияло, и Лиза улыбнулась: – Ирина, ты, что ли? Да, конечно, не узнала! Ты уж извини. Приходи прямо сейчас! Почему не можешь? Ну, хорошо, давай я подъеду. Куда? Боже, какое гиблое место. Как, ты говоришь, бар называется? «Огинский»? Знаю-знаю. Хорошо, мы приедем. Да, с Глашей. Пока.

– «Огинский»? – переспросила Глафира, очень хорошо знавшая, о каком именно баре идет речь.

Два года тому назад там была убита школьница. Самая окраина города, частные домишки, разбитые фонари, в жилах местных жителей течет кровь эзков, пустивших там корни еще в тяжелое послевоенное время. Поножовщина, пьяные драки, бытовуха, изнасилования, притоны – одни на другом. Один из местных авторитетов купил старый склад и переоборудовал его под «заведение», а поскольку в списке любимых им музыкальных произведений, кроме «Мурки» и «Джанели», значился известный Полонез Огинского, то и свое коммерческое детище он решил назвать так же романтично и неожиданно.

– Кого это еще туда занесло? – спросила Глаша.

– Скоро мы все узнаем. Это Ирина. Я с ней вместе рожала. Ну прямо на соседних родильных столах лежали. Хорошая девчонка. Красивая, умная. Думаю, стряслось что-то, раз она попросила меня приехать именно туда. Если бы она хотела выпить со мной чашку кофе, то встречу назначила бы где-нибудь в центре, так ведь? Или просто приехала бы к нам в контору. Ладно, поехали. Что гадать-то?

– Да в «Огинский» только с пистолетом за пазухой можно ходить.

– Не знаю, отчего ты не носишь пистолет? У тебя, кажется, уже и разрешение есть... Глаша, садись в машину, поехали.

Окраина города издали напоминала протянувшийся вдоль железнодорожного полотна зеленый дачный массив. Яблоневые сады уже отцвели, черешни розовели начавшими поспевать ягодами. Вдоль дороги стояли, словно подремонтированные специально к лету, лоснившиеся свежей краской дома, набухала весенней свежестью, питая засеянные семена, вспаханная под огороды ухоженная земля. Глядя на жителей, занимавшихся мирным сельским тяжелым трудом, трудно было поверить, что где-то здесь как тени бродят настоящие, не пойманные и не узнанные еще преступники: убийцы, воры, насильники. Но этот район действительно считался одним из самых проблемных, опасных, скверных, и никакой нормальный человек никогда в жизни не осмелился бы купить здесь жилье, даже за самую символическую плату. Вот поэтому здесь и обитали только коренные жители, которых все знали в лицо и не трогали.

– Глаша, ты что это притихла? Неужели тебе и правда страшно? Да у меня здесь полно знакомых. Правда, не очень-то мне хочется с ними встречаться, но это уж как карта ляжет.

– Ты по тону этой Ирины не могла догадаться, что с ней? Может, ее держат где-нибудь здесь, в притоне? Или вот еще что... Может, стоило бы прихватить с собой отряд спецназа?

– Успокойся, Глафира.

Лиза свернула с шоссе на узкую улочку, проехала несколько метров, свернула еще раз и подъехала к крыльцу белого оштукатуренного строения с витиеватой черно-белой вывеской:

«Огинский». Хозяин заведения, видимо, был настолько музыкален, что первую букву пожелал изобразить в форме скрипичного ключа.

– Ну прямо музыкальная школа, а не притон, – поморщилась Глафира, вылезая из машины.

Раздался характерный писк – это Лиза включила сигнализацию.

– Представляешь, вот выйдем мы из этой харчевни или трактира, а машины нет, – продолжала канючить Глаша. – Не надо было нам сюда приезжать.

– Глаша, возьми себя в руки. С тех пор как ты вышла замуж за Родионова и стала матерью двоих детей, тебя как подменили. Ответственность чувствуешь, что ли? Если попросишь меня об увольнении – не отпущу, так и знай. Без тебя наша контора захиреет, да мне ее вообще придется прикрыть! Так что давай, ноги в руки – и вперед!

Они поднялись на крыльцо. Лиза толкнула тяжелую дубовую дверь, и подруги оказались в полутемном прохладном помещении, пропитанном запахом старого вина.

Большой ресторанный зал был разделен на две части узким проходом с устланным мягкой красной ковровой дорожкой полом. По обеим сторонам от нее тянулись длинные дубовые столы, почти черные от лака, вдоль которых стояли такие же массивные неподъемные стулья с ковровыми подушками на сиденьях. По углам зала стояли четыре небольших квадратных столика, покрытых зелеными скатертями, за одним из которых и сидела молодая женщина в черном платье.

– Она на трамвае сюда приехала, что ли? – прошептала Глафира Лизе на ухо, пока они шли к барной стойке. – Машины-то рядом с баром нигде нет.

– Сейчас все узнаем.

Ирина, увидев их, напряглась, даже привстала. Глафира, приблизившись к ней, хорошенько ее рассмотрела. Худенькая блондинка, ухоженная, но в данный момент какая-то слегка растрепанная, растерянная, испуганная. Спешила, видно, ни накраситься толком не успела, ни причесаться. Платье простое, черное, но видно, что дорогое, хорошо сидит. На шее – тоненькая золотая цепочка со скромным крестиком. В ушах серег нет.

Огромные голубые глаза с расширенными зрачками, впитывающими в себя полумрак ресторана.

– Лиза, боже мой, как же я рада, что вы пришли! Здравствуйте, Глафира. Много о вас слышала... Думаю, Лиза вам рассказала, где мы с ней познакомились. Садитесь, пожалуйста. Я постараюсь быть краткой.

Лиза и Глаша сели напротив нее. Подошла официантка, плотная брюнетка с родинкой над губой. «Роза» – значилось на ее бейджике. Крепкая деваха, какая-то даже неестественно яркая, красивая, киношная. Ей бы кобуру на пояс да кожаные штаны...

Ирина, перед которой уже стояла пустая рюмка, быстро сделала еще один заказ: водка и два кофе.

Проводив взглядом явно никуда не торопившуюся Розу, Ирина сразу начала рассказывать:

– Значит, так. Мой муж – серьезный человек. У него свой бизнес: мебельные магазины. У него есть партнер и одновременно как бы босс, я уж не знаю точно, какие именно отношения существуют между ними. Я имею в виду, что не совсем в теме, кто кому и на что в самом начале дела давал деньги... Уф... Волнуюсь! Но суть не в этом. Господи, мысли путаются, я так нервничаю... Так вот. Время от времени наш курьер, точнее, перевозчик, привозит из Москвы наличные, крупные суммы, чтобы Миша заказал мебель. У нас прямая поставка из Италии.

– Наличные?! – У Глаши округлились глаза. Лиза незаметно пнула ее под столом ногой.

– Да. И вот до недавнего времени все было хорошо. Миша накручивал на этой мебели хорошие проценты, его партнер в Москве занимался своими магазинами, временами они каким-то образом выручали друг друга, взаимно оплачивая счета... Все это я знаю, понятное дело, из обрывков их телефонных разговоров, из случайно услышанных фраз. Миша с самого начала мне сказал: он не желает, чтобы я совала нос в его дела. Хочет, чтобы занималась хозяйством, ребенком. Он хороший человек, добрый, да только вот очень нервный. Часто кричит беспричинно, правда, потом извиняется, покупает мне подарки, стараясь загладить свою вину. И я понимаю его: у него работа нелегкая, все-таки бизнес. Я-то очень далека от всего этого. Господи, я все не о том! Самое главное. Вот. Перевозчика ограбили! Когда именно это произошло, я так и не поняла. Может, месяц тому назад, может, пару недель прошло. Он вернулся из Москвы с деньгами – у него с собой было, страшно произнести, один миллион двести пятьдесят тысяч евро. Согласитесь, крупная сумма денег. Причем наличных. Повторяю, мой муж – человек взрывной, можно даже сказать, бешеный! Знаю, что он чуть не придушил этого парня. Его зовут Дмитрий Ремизов.

– Ограбили? – переспросила Лиза. – И как же это произошло? Не знаешь?

– Знаю. Он вышел из самолета, сел в свою машину, которую оставлял на стоянке, отъехал не так уж и далеко, и тут его тормознули работники ГИБДД. Вернее, переодетые в них бандиты. Кажется, их было двое. Перевозчик вышел из машины, его отключили электрошокером, забрали деньги и оставили парня на дороге. Это все, что мне известно.

– Ты хочешь, чтобы я нашла эти деньги? – без тени иронии спросила Лиза, оценивая степень тяжести этого преступления и сочувствуя подруге.

– Объясню. Понятное дело, муж все это время не бездействовал. Думаю, он уже к кому-то обратился, я слышала, как он договаривался с кем-то очень серьезным и важным о встрече. Но время идет, ничего не происходит, никто и ничего не нашел, разумеется... И вся эта ситуация превратила нашу семейную жизнь в самый настоящий ад! Миша впал в глубочайшую депрессию, он кричит на меня, на ребенка... Ругается, когда ребенок плачет ночью, его все раздражает, понимаешь? Мне вообще страшно находиться дома. Я понимаю, что Миша никогда не поднимет на меня руку и даже не замахнется, но ты бы видела его глаза... Они наполнены болью, понимаешь? Ему страшно. Возможно, эти деньги... Словом, иногда мне кажется, что у него долги. И он попросил у партнера эти деньги или у друзей партнера.

– Он торгует мебелью, говоришь?

– Да. Итальянской. Дорогая, красивая мебель, – Ирина вздохнула, достала сигаретку, закурила, затянулась. – А что, если его убьют из-за них? Или наоборот – он убьет этого Ремизова? Или уже... сделал с ним что-нибудь? Хотя нет... Вряд ли. Если бы он его прибил, то не матерился бы на него каждый день, а так – вроде бы он еще живой...

– Почему он сам не пришел ко мне?

– Да что ты?! – замахала руками Ирина. – Откуда ему знать о твоём существовании? Вернее... Нет, извини. Я не то хотела сказать. Просто, думаю, он вообще женщинам не доверяет. У него какие-то свои люди есть. Может, в прокуратуре, может, еще где-то.

– Ирина, чем я могу тебе помочь?

– Выясни, пожалуйста, заведено ли официально дело о грабеже? Занимается ли кто-нибудь этим? Жив ли этот парень-перевозчик? Может, у тебя есть знакомые, которые за деньги смогут найти людей, переодетых в этих гибэдэдэшников? Словом, помоги мне, придумай что-нибудь! Миша не должен знать, что я встречалась с тобой и что я вообще как бы в курсе всего этого дела. Но я вижу, что он страдает, и решила, зная о твоих способностях и связях, тоже как-то помочь ему. Думаю, чем больше людей будут искать преступников, тем лучше. Ты, во всяком случае, сможешь держать меня в курсе дела. Я понимаю, что все это стоит денег, поэтому принесла двадцать тысяч евро. Это все, что у меня есть. Конечно, если дело сдвинется

и ты по-настоящему впряжешься в расследование, то я найду еще средства. Продам кольцо, еще кое-что...

– Ирина, успокойся, – мягко остановила ее Лиза. – Пока что я и без всяких денег попытаюсь тебе помочь, что-то выяснить. А там уж видно будет. Но для начала мне нужна вся информация о твоём муже, о его фирме.

– Да-да, я все приготовила. Написала, вот... – Ирина достала из сумочки лист бумаги и протянула его Лизе. – Вот, тут и паспортные данные Миши, и наш адрес, телефоны, посмотришь.

– Почему вы выбрали для встречи именно это место? – спросила, не выдержав, Глафира. – И на чем сюда добирались?

– У меня мама здесь живет. В двух шагах отсюда. Я приехала на автобусе. Уж не знаю, почему, но мне почему-то кажется, что за мной следят... Возможно, те люди, которых нанял мой муж, отрабатывают все версии, то есть они могут подозревать и меня. Сегодня рано утром я на машине приехала в стоматологическую клинику и сразу же вышла из нее через черный ход. У меня там подружка работает, вот она мне и помогла. То есть я как будто оторвалась... Прямо как в кино! Вышла, села в автобус и приехала сюда, к маме. Хорошо, что она ничего не знает. Живет себе спокойно, в огороде возится, курочек кормит... Знаешь, когда закончится вся эта история и все мы, дай бог, останемся живы, я попрошу Мишу купить дом подальше от города, в каком-нибудь тихом месте, будем там жить втроем. Знаешь, сказала я сейчас это, и сердце почему-то сжалось... Честно говоря, я вообще не верю, что эти деньги когда-нибудь найдутся, ведь те, кто так дерзко их украл, – наверняка профессионалы. И что тогда делать – не знаю. Не думаю, что наша квартира и все наши машины столько стоят. Разве что мебелью расплачиваться? Но как эту мебель превратить за короткий срок в деньги – я тоже не представляю... В общем, такая вот история, Лиза.

– Хорошо, поработаем, – пожала плечами Лиза, вертя в руках густо исписанный листок. – Значит, твой муж – Михаил Тайлер.

Послышались легкие шаги, запахло кофе.

– Да, кстати... Познакомьтесь, – Ирина ласково взглянула на приблизившуюся к ним с подносом жгучую брюнетку с родинкой над губой. – Моя родная сестра, Роза.

Роза неожиданно дружелюбно, широко, показывая красивые зубки, улыбнулась.

Вернувшись к машине, Глафира возмущенно сказала:

– Что она вообще о себе думает? Дело на миллион с лишним евро, а она предлагает тебе какие-то двадцать тысяч? Понятное дело: там поработали профессионалы. Да тут столько работы... Всю криминальную армию города надо поднять на уши, узнать, кто заказчик и куда ушли денежки.

– Глаша, успокойся. Ведь она-то хочет только понять, ищут ли этих гаишников или нет, то есть прояснить эту ситуацию как бы изнутри, через своих. Ведь, если выяснится, что официального расследования нет, то есть Тайлер не обращался в полицию, значит...

– ...значит, и денежки эти – криминальные, и он не хочет светиться. А с другой стороны, у полиции как бы больше возможностей. Вот он и мечется, не зная, к кому обратиться, чтобы деньги эти все же нашлись.

– Вот именно. Поэтому для начала надо бы нам съездить к этому Тайлеру в гости. Ну или хотя бы посмотреть, какую такую золотую мебель он продает, которая может стоить таких огромных денег.

4

Он открывал, закрывал глаза, зажмурился крепко, но страшная картина того, что он совершил, не исчезала. Наоборот, она при каждой его попытке растворить ее в памяти наливалась все новыми зловещими оттенками – от кроваво-красного до густо-черного, и, наоборот, вдруг все начинало переливаться темно-оранжевым... Таким цветом, какого были ее волосы.

Он никогда больше не сможет подойти к женщине с оранжевыми волосами, заговорить с ней. Потому что та, которую он оставил в подвале, никогда не исчезнет из его жизни и всегда будет смотреть на него глазами других – живых, пышущих здоровьем – женщин.

Как же причудлива и хрупка жизнь, как же невероятно легка и неожиданна чужая смерть!

Он смотрел на свои руки, которые, как ему казалось, все еще продолжали гудеть от ударов, и вспоминал то свое удивление, когда, ударив один раз ее по лицу, испытал потребность ударить еще раз по этим мягким розовым щекам, по этому гуттаперчевому мягкому кукольному носу, из которого сначала брызнула, а потом хлынула кровь. Алая густая кровь...

А ведь он не садист и никогда им не был. Никогда прежде не бил никого, и тем более женщин. Что же с ним произошло? И как так вышло, что он не знал себя? Не знал, на что может быть способен?!

Это ее жалкое лицо с детскими припухлыми щеками, с губами, перемазанными жирной оранжевой помадой, и с маленькими глазками с гладкими и натянутыми, как у японок, верхними веками... Слезы, сопли, слюни, когда она, давась ужасом и рыданиями, клялась и божилась, что ничего не знает! Просила пощадить ее, оставить в живых. Он не верил ей, потому что знал – она лжет.

А еще его раздражало, что ее передний зуб был обломан. Молодая баба, ходит по ресторанам, пьет текилу, зажевывая ее лимоном, улыбается мужикам и при этом как-то похабно демонстрирует им огромную некрасивую щербину – обломок зуба...

Чучело чучелом.

Он не помнил, как тащил ее в подвал. Они вышли из машины, она улыбалась во весь рот, щерилась, и ветер трепал ее богатые, густые, похожие на парик волосы. Вероятно, она была счастлива в тот момент тем, что на нее обратил внимание молодой мужик, ведет ее к себе на хату. Пыталась еще там, в такси, читать какие-то стихи. Точно, дура. Ничего-то не предчувствовала, ничего не боялась. А ему захотелось прямо там схватить ее за горло и душить, душить до тех пор, пока у нее не хрустнет шея, пока на лбу этой безмозглой дуры не появится испарина, пока плотные ее розовые щеки не треснут от жира...

Он открыл глаза. Белый потолок. Тишина. Он лежит в своей комнате на кровати. На несвежем белье. Кто бы постирал... Кто бы пропылесосил... Кто бы сварил кофе или принес ему чистые носки хотя бы.

Вся его счастливая жизнь постоянно откладывалась на потом. И это его прекрасное будущее всегда рисовалось ему, конечно же, не в виде тесной квартиры с обоями в цветочек, с продавленной тахтой, в центре которой на фланелевой пеленке гукает его первенец, в то время как жена гладит распашонки (что представляло собой зрительную кальку жизни его родителей и его самого в детстве), а почему-то в образе белой террасы, залитой солнцем, и прекрасной женщины, сидевшей в кресле с закрытыми глазами и курившей сигарету. Декорации его мечты носили явно средиземноморский и, несомненно, дерзкий характер, и где-то поблизости от этой террасы, в недрах большого белого дома, который еще не придумался до конца из-за его скудоумия, располагались призрачные кухни и столовые с накрытыми столами, с полными хорошей выпивки барами, с широкими кроватями, с прозрачными окнами, открывавшими вид

на голубое море. Где-то в его подсознании существовала, лоснясь жирными дорогими боками и хромированными деталями, машина, она прямо-таки сияла под испанским ли, итальянским ли жарким солнцем и грела его душу.

И все это было очень даже близко, возможно, реально, если бы не эта сука, эта рыжая, эта оранжевая тварь, по пьяни согласившаяся принять участие в этой подлости, в этой грязной и опасной аванюре, затеянной такой же идиоткой, как и она сама. Возможно, она поначалу и ведать-то ничего не ведала о том, что творит ее подружка. Просто отвлекла второго лишнего, то есть его, позволила ему умыкнуть себя, тепленькую, из ресторана в гостиничный номер, уложить в койку, зная о том, что за все за это подружка отстегнет ей приличную сумму. То есть, по сути, ей и делать-то ничего не пришлось. Просто провела дамочка чудный вечерок с шампанским и икоркой, переспала с молодым парнем (правда, этот момент на самом деле он почему-то не помнил, может, и не было ничего?!), да и заработала себе на «двушку» в Заводском районе.

А утром, ополоснув мордочку и почистив гнилые зубки в гостиничном номере, она выскользнула оттуда, чтобы встретиться с подельницей.

У него кулаки сжимались, когда он представлял себе, как эти две твари выбегают, цокая каблуками, на крыльцо гостиницы, как сбегает по ступенькам, садятся в приготовленную еще с вечера машину, как бросают сумку, набитую деньгами, на заднее сиденье машины и... Машина. «Ока»! Язык не поворачивается назвать эту таратайку машиной. Не зря же народ метко прозвал ее «капсулой смерти». И покатили девчонки, как им казалось, на море. У каждой в кармане – по железнодорожному билету Саратов – Адлер. Вот только одна из них, маникюрша, до моря так и не доехала, она и сама-то не знала, что в другом ее кармане был еще один билет: Жизнь – Смерть. А эта, рыжая, и денежки прибрала, и на море съездила... Только вот не в Адлер покатила, а махнула на Средиземное море.

Налегке. Без багажа, разве что с дамской сумочкой, в которой лежали несколько драгоценных банковских карт – и украденное чужое будущее.

Сидела в самолете, немея от внезапно обрушившегося на нее счастья, и благодарила бога за то, что не пострадала в аварии. Что столб, в который врезалась на полном ходу машина, убил не ее, а подружку. Ту самую подружку, которая все это и затеяла, придумала и провернула. И которая должна была забрать себе девяносто девять процентов украденного.

Но повезло этой рыжей гадине.

Самолет, аэропорт, отель, прогулки по Парижу, покупки в дорогих магазинах, ужины в шикарных ресторанах... Такси. Море. Снова отель. пляж. Ресторан. Знакомство с мужчиной... Ее туманные и очень опасные намеки – на ее принадлежность к высшему, золотому сословию... Конечно, с такими-то деньжищами!

Возможно, что она ездила во Францию, чтобы присмотреть себе дом или квартиру. И вернулась, чтобы решить вопрос с визой, уладить какие-то свои дела, привести в порядок все то, что составляло ее прежнюю жизнь здесь, в этом казавшемся уже недостойным ее городе.

Он встал, босиком прошел в кухню, открыл холодильник и счастливо вздохнул, обнаружив там забытую с вечера банку пива. Привычным движением открыл ее, наслаждаясь сочным звуком хлопка, отпил несколько первых жадных глотков. Пиво было ледяным, обжигающим.

Нехорошая, липкая мысль пришла к нему – о том, что убитая им женщина была невиновна. Вряд ли она, увидев его в ресторане и сразу же узнав, не испугалась бы.

Напротив, она улыбалась ему, как он теперь вспоминал – все поминутно вспоминал, – хохотала, казалась счастливой и рассказывала о том, как хорошо ей было во Франции, откуда она только что вернулась.

Если она была подельницей маникюрши, присвоила себе все деньги и укатила в Париж, то, встретив одного из двух человек, кого они с подружкой ограбили, она должна была не то

что испугаться, а вообще умереть от страха. Или, во всяком случае, сделать вид, что она его не узнала, а то и вовсе быстренько сбежать из ресторана, чтобы только не сталкиваться с ним нос к носу.

На самом же деле все произошло наоборот. Когда он подсел к ней, она заулыбалась, маленькие глазки ее часто-часто заморгали, как если бы она по-женски, приятно так заволновалась, вспоминая их любовь в гостиничном номере, шутки, смех... (И вновь его охватило сомнение, его память почему-то рисовала картинку, где эта баба ходила туда-сюда в каком-то жутком платье, и ни одного сексуального воспоминания.)

И с чего он взял, что она была заодно с Викторией? И покинула номер одновременно с ней? Многие женщины после случайного знакомства подолгу не задерживаются в чужой постели и утром, проснувшись и все осознав, исчезают. Может, им стыдно, а может, у них есть мужья и семьи? Или они просто не хотят, чтобы мужчина увидел их в утреннем, помятом виде?

Он никогда не забудет то зловещее утро. Он тогда проснулся, вспомнил, что богат, и вновь его накрыла волна счастья. Повернул голову, помня, что спал не один, и, не обнаружив рядом женщины, лишь пожал плечами – мол, ушла. Ну и слава богу. Он все еще продолжал оставаться спокойным и счастливым. Знал, что в одной из спален этого огромного номера, под кроватью, где сейчас нежится его друг с подружкой, в спортивной сумке лежит миллион двести пятьдесят тысяч евро. Нет. С учетом стоимости банкета чуть поменьше... И что уже сегодня утром, буквально через час-два, эти деньги будут разделены, и друзья разъедутся в разные стороны. И каждый начнет новую жизнь. И у каждого исполнятся все его мечты. Мечты разные, но чем-то все же похожие...

Разве мог он предположить, что это утро окажется концом их многолетней дружбы и началом жестокой вражды, войны?!

Он отгонял от себя эти воспоминания, чтобы не переживать снова и снова то тупиковое, беспомощное состояние, возникшее после того, как из спальни вышел, потирая плечи, с кислой похмельной физиономией Виталик. Он остановился посреди комнаты, где за столом сидел и курил Николай, и каким-то странным, неестественно высоким голосом спросил:

– А где, собственно, все?

– Я – тут, как видишь, – не подумав, ответил Николай и заметил, как во взгляде друга промелькнула растерянность.

– А эти... бабы?

– Не знаю. Моей нет.

– Вот и моей тоже.

И Виталик, помедлив немного, сказал тихо, как-то нехорошо, страшно:

– И сумки тоже нет.

5

Лиза с Глафирой вышли из мебельного салона и сели в машину.

– Если бы не твоя общительность, мы, может, ничего и не поняли бы, – сказала Лиза, заводя машину. – Хорошо, что и продавщица оказалась на редкость разговорчивой. Такая дорогая мебель! Понятное дело, что в нашем городе мало кто может ее себе позволить. Думаю, она стоит здесь уже не первый год. Так, открыли салон для отвода глаз, вернее, для отмывания денег. Да и люди ходят сюда просто как в музей.

– Получается, что этот господин Тайлер зарабатывает деньги каким-то другим путем.

– Понятное дело. Я со своей стороны постараюсь сделать все, чтобы выяснить, чем он на самом деле занимается, а для этого мне следует обратиться за помощью в первую очередь к Диме. Он многое знает о том, что происходит в нашем городе, а потому наверняка слышал что-нибудь и о Тайлере. Но у меня из головы не выходит Ирина. Ты же видела, насколько она напугана. Я уверена, что она ничего не знает об истинном бизнесе мужа, иначе не пришла бы к нам, просто не посмела бы. Но эти деньги... Большие деньги. Думаю, она боится, что Тайлера убьют, если он в скором времени их не найдет. Возможно, он должен был ими расплатиться за какой-то товар или услугу, а денег нет, дело приостановилось, и у кого-то, кто ждал этих денег, терпение уже на исходе...

– А ведь она любит своего мужа, – сказала Глафира. – Признается в том, что он психопат, превратил ее жизнь в настоящий ад, – я даже не удивлюсь, если узнаю, что он поколачивает ее, – и все равно продолжает любить. Если бы не это ее чувство, вряд ли она вообще стала бы как-то действовать. Наоборот, спровоцировала бы развод или вообще уехала от греха подальше. А? Как ты думаешь?

– Конечно, любит. Мы с ней лежали в роддоме, и она только и говорила о том, какой у нее замечательный муж. И когда он приходил к ней, она радовалась искренне. Нет, она не боится его, нет. Может, понимает, жалеет...

– Куда мы сейчас?

– Сейчас я позвоню Сереже, приглашу его пообедать с нами, заодно и расспросим его о новом деле. Может, ему уже удалось установить личность той женщины.

Но поговорить с Сергеем им не удалось. У него постоянно был занят телефон.

– Ладно, поехали, закажем для него обед, рано или поздно он все равно освободится, – сказала Лиза.

Проспект Кирова в этот солнечный день выглядел так, словно это был не обыкновенный будний день, а воскресный, праздничный – залитый теплым весенним солнцем, он расцвел яркими пятнами прогуливавшихся по нему нарядных людей, которые вместо того чтобы работать, сидеть в душных офисах или трудиться в поте лица на заводах и фабриках, все бросили ради того, чтобы подышать воздухом, посмотреть на людей и себя показать.

– Знаешь, Глаша, у меня такое чувство, словно только мы с тобой и работаем. Смотри, все высыпали на улицу, нарядились. Вот это только у нас, в России, люди так одеваются. Как-то ярко, что ли... И на работу идут, как на праздник, – на каблуках, вон, на женщине платье в горох... горох... школьная столовая и гороховый суп...

Лиза, проходившая в это время перекресток улицы Горького, место, где чаще всего можно встретить распространителей рекламы, уличных музыкантов, продавцов мороженого и сладостей, вдруг резко остановилась. Схватила Глафиру за руку и начала декламировать:

Обручем тугим мой лоб сжимая,

Страх потери мне шепнул: «Умри!»
Я другой любим, – сказал ты.
Остываю. Я последний вечер на твоей груди...

– Лиза?! Ты в порядке?!

– Я знаю, как зовут ту женщину! Горохова. Люба Горохова. Она поэтесса. Я как-то шла – вот так же, по проспекту, – и вдруг услышала ее голос. Она декламировала свои стихи. Наивные и в то же время такие сильные – про любовь, и так вдохновенно... Короче, я заслушалась и подумала: как же это трудно – слагать стихи... Чтобы и смысл был, и концентрация чувств и мысли, и рифма... Так вот. Рядом с ней стоял какой-то парнишка и держал в руках стопку отпечатанных на машинке листков с ее стихами. Он продавал их по символической цене. Там-то я и прочитала: «Горохова Любовь». А поскольку я человек с воображением и эта фамилия не могла не зацепить меня своей «гороховой», корневой основой, я сразу же представила себе, как эта Люба Горохова, рыжая полненькая молодая женщина, сидит в нашей школьной столовой и ест...

– ...гороховый суп! Ну, ты даешь, Лиза! Ну и ассоциации у тебя с поэтессой!

– Ну да! Гороховый суп, кастрюли... Не знаю, может, я ошибаюсь, и там, в подвале, была не она... Но, увидев ее, я почему-то сразу представила себе кастрюлю с супом, а еще – мороженое... Это потому, что она стояла вот тут, как раз рядом с женщиной, торгующей мороженым.

– Так звони Сергею, пусть он это проверит!

– Непременно позвоню. Нет, Глаша: нет никаких сомнений – это точно была она. И на ней тогда, осенью, тоже было что-то хламидоподобное, вязаное, уютное. И она стояла – невысокая, рыженькая, ветер трепал ее волосы, а щеки разрумянились. И стихи свои она читала как-то невероятно вдохновенно, я бы даже сказала – отстраненно. Я еще подумала тогда, что ей должно быть холодно стоять вот так, на ветру. И представила себе, что и в жизни ей должно быть холодно, неуютно, хоть и носит она эти толстые вязаные балахоны. Что душа ее выстыла, что она очень одинока, поэтому и пишет такие стихи. Вот так.

– Да уж. Недурственно охарактеризовала ты ее! Во всяком случае, я ее себе очень хорошо представила.

– Ты понимаешь... – они вошли в расположенное неподалеку от «знакового» места кафе, заняли столик у окна, – она была ангелом! Не знаю, как тебе это объяснить... Таких людей не убивают! Просто не за что! Она жила в каком-то другом измерении, и это, я уверена, подтвердят многие из тех, кто ее знал. У меня почему-то такое мнение.

– И ты все это рассказываешь мне о женщине, с которой даже не была знакома?

– Да.

– Ты вроде никогда не была столь романтической, да и стихами как будто излишне не увлекалась...

– Почему же, я в ранней молодости, можно даже сказать, в подростковом возрасте, много читала – и Ахматову, и Цветаеву, и даже, представь себе, пыталась им подражать! Думаю, что и Люба Горохова тоже прошла через это.

– И ты даже запомнила какие-то строки из ее стихотворения?

– Запомнила... не знаю уж, почему. Думаю, у меня просто память хорошая. Так, постой... Дай-ка я попробую сейчас позвонить няне. Я хорошо помню, где лежит этот листок со стихотворением Гороховой. У меня на книжной полке есть томик Ахматовой, вот туда я его и сунула. А на листке есть и ее телефон. Уж не знаю, зачем она там его напечатала.

Лиза позвонила домой, объяснила няне, что ей нужно делать, и уже через несколько минут записывала на салфетке номер телефона предполагаемой жертвы.

– Господи, сделай так, чтобы это была не она, – прошептала она перед тем, как позвонить по этому номеру, и перекрестилась. – Добрый день! Любу можно?

Глафира наблюдала за тем, как меняется выражение лица Лизы. От встревоженного до откровенно печального.

– Пропала, говорите? И как давно ее нет? Уже два дня? Знаете, я поклонница ее творчества, меня зовут Елизавета Травина, я адвокат, думаю, я смогу вам помочь... Вы не назовете свой адрес?

Разговаривая с кем-то, имевшим прямое отношение к Гороховой, Лиза вдруг повернулась к Глафире и пояснила беззвучно, одними губами: «Ма-ма».

– Пишу... Улица Соляная... Хорошо, спасибо, я скоро к вам заеду.

Она отключила телефон и посмотрела на Глашу:

– С матерью ее говорила. Господи, Глаша, а вдруг это не она, не Люба? Но, с другой стороны, такое совпадение... Люба исчезла как раз два дня тому назад. Я должна туда пойти, поговорить с ее матерью и попросить ее показать мне фотографии Любы.

К ним подошла запыхавшаяся официантка. В этот обеденный час ей приходилось трудно – кафе было переполнено.

– Грибная лапша, охотничий горячий пирог и вишневый сок, все по три порции, – заказала Лиза.

В это время позвонил Мирошкин.

– Вот, на ловца и зверь бежит! Серега, мы заказали тебе обед в «Буратино», приходи. Есть новости. Хорошо, пусть через пятнадцать минут. Как раз все принесут. Все, ждем.

Первый вопрос, который Лиза задала Сергею, едва он пришел, звучал так:

– Удалось установить личность убитой?

– Нет, пока нет. Что это? Грибная лапша? Вот спасибо! – И Сергей, с улыбкой поблагодарив Лизу, принялся за еду. – Мы проанализировали сводки, никто пока что не разыскивает женщину, которая подходила бы под описание нашей жертвы. Пропала одна бабушка и две старшекласницы...

– У Турова был?

– Был. Он сказал только, что поверхностный осмотр свидетельствует о том, что ее не изнасиловали, она умерла от нанесенных ей побоев, ей попросту разбили голову и нос, который сразу же забился сгустками крови, слизью... И она задохнулась.

– Бедняжка! – вздохнула Глафира. После всего, что она узнала о Гороховой, она воспринимала ее смерть более остро и болезненно, чем этого можно было ожидать, если бы речь шла о неизвестном ей человеке. – Какая ужасная, мучительная смерть!

– ...еще, множество ударов пришили по внутренним органам, по печени... А печень у нее и так была не совсем здорова, и это мягко сказано. Девушка выпить любила, у нее был цирроз.

– Сережа, ее пытали?

– Несомненно. От нее явно чего-то хотели. И, судя по тому, как долго и жестоко ее били, получается, что она умерла напрасно. То есть, я хочу сказать, что, если бы она знала, чего от нее хотят, давно призналась бы, не выдержав пыток, и ее, возможно, отпустили бы или, наоборот, убили бы как-то иначе, во всяком случае, прекратили бы избивать.

– Что нашли на месте преступления?

– Немного. Зубочистку, фирменную, из ресторана «Милан». А еще полупустой пузырек замазки – жидкой бумаги, знаешь, «штрих» называется. Я еще подумал, что, скорее всего, этот пузырек вытряхнули из сумочки жертвы или же он сам выпал.

– Да, сейчас уже мало кто пользуется подобными вещами, – сказала Лиза, понимая, что «штрихом» могла пользоваться как раз Люба, которая, судя по ее распечатанным под копирку на машинке стихам, по каким-то своим причинам игнорировала компьютер и тем более принтер.

– А вот зубочистка – это интересно, – сказал он.

– Сережа, я не буду морочить тебе голову, но мне кажется, что я знаю, кого убили в подвале на Аткарской.

И Лиза рассказала ему о своей давней встрече с Любовью Гороховой и телефонном разговоре с ее матерью.

– Поэтесса?! Ничего себе! Знаешь, всегда относился к этим людям как... к каким-то во он оттуда, – Сережа поднял палец к потолку, – присланным нам существам...

– Вот-вот, и я тоже об этом. Тем более интересно: кто и за что ее мог убить, не говоря уже о том, чтобы пытаться? – сказала Лиза.

– Может, она стала свидетельницей какого-нибудь преступления, знала то, что ей не положено было знать? – предположила Глафира.

– Свидетелей, как правило, вообще-то убирают, но уж никак не пытаются, – заметил Мирошкин. – Девчонки, спасибо, что пригласили меня сюда. Ну просто райское место! Так все вкусно! Итак. Предположим, что ее зовут Любовь Горохова. Что будем делать?

– Я после обеда собираюсь навестить ее мать, – сказала Лиза. – А Глафира чуть позже, когда окончательно выяснится, что погибла именно Горохова, займется Союзом писателей и кругом общения Любы. Я приблизительно знаю, где находится один литературный клуб, где могла бывать Люба и где ее наверняка хорошо знают. Попробуем собрать о ней более подробную информацию. Скажи, Сережа, тебе фамилия Тайлер о чем-нибудь говорит?

– Нет, не говорит. А что?

– Мне надо выяснить, существует ли официальное дело, связанное с разбойным нападением на перевозчика его фирмы. Просто выяснить это – и все. Больше ничего.

– Как называется его фирма?

– «Luxurious furniture».

– Язык сломаешь!

– Переводится как «роскошная мебель».

– Хорошо, я все узнаю. Ты только запиши мне название. А что это за фрукт такой – Тайлер? Почему он тебя так заинтересовал?

И Лиза вкратце рассказала ему о своей встрече с Ириной Тайлер.

Мирошкин присвистнул:

– Нехилая цифра. Миллион с четвертью евро!

– Но у него и мебель дорогая, мы с Глашей сегодня побывали в его магазине. Продавщица явно скучает, а еще ее раздражает, что люди заходят в салон исключительно для того, чтобы только поглазеть на мебель, и никто ничего практически не покупает.

– Знаешь, а мне тоже всегда хотелось иметь свой мебельный магазин, – неожиданно признался Сергей, мечтательно улыбаясь. – Или, на худой конец, книжный. А что – это тебе не продукты, которые быстро портятся. Мебель вообще не выходит из моды, особенно стилизованная под старину, да и книги – товар не скоропортящийся. Вот упало бы мне на голову наследство, я бы именно так, как ваш Тайлер, и поступил. Приобрел бы помещение, закупил мебель какую-нибудь итальянскую или испанскую и спокойно жил бы себе, зная, что рано или поздно ее все равно кто-нибудь купит.

– А я и не знала, что ты в душе коммерсант, – удивилась Глафира. – Да только если твоя мебель стоит, как чугунный мост, то какой смысл держать продавца, бухгалтера?

– Ладно, я постараюсь выяснить, кто такой Тайлер и чем он занимается. Возможно, этот магазин – так, одна витрина.

6

Катя Желткова в квартире своей покойной двоюродной сестры Виктории готовила поминальный обед.

Все делала как во сне. На плите томились щи из кислой капусты, гуляш, гречневая каша. Компот из сухофруктов остывал на подоконнике. Оставалось приготовить кутью и дожидаться, когда соседка принесет из кондитерской заказанный два дня тому назад кух.

Завтра в двенадцать придут знакомые Виктории, дальние родственники. И первое, что они спросят, увидев Катю: где Ларочка?

Катя подошла к кухонному окну, раздвинула занавески, вдохнула прохладный утренний воздух. От компота струился приятный яблочный дух. И все это казалось нереальным, неестественным. Она никак не могла свыкнуться с мыслью, что Виктории больше нет. Молодая двадцатипятилетняя Вика погибла девять дней тому назад в автокатастрофе! На большой скорости въехала в столб. Как это случилось?! Почему? Куда она так спешила? В милиции Кате сказали, что авария произошла ранним утром, часов в пять! Спрашивается, куда она могла мчаться по пустынной городской улице в столь ранний час? Она что, ослепла, что ли, не видела этот столб?

Чудовищная, страшная смерть.

Катя отдала в морге все свои сбережения, чтобы труп сестры забальзамировали, загри-мировали, одели в ее самое красивое платье.

И вот теперь Катя поселилась в ее квартире, оглушенная трагедией, еще не осознав до конца всю степень этого горя... Ведь после Вики осталась маленькая трехлетняя дочка, Ларочка. Так случилось, что сразу же после того, как в детском саду стало известно, что Вика погибла, девочку поспешили определить в детский дом. Она и в саду-то была не простым – на пятидневке. Вика много работала и не могла уделять достаточно времени дочке. Мало кто знал, что она отвозит ее на пятидневку, если бы родственники узнали, заклеямили бы ее позором. Но им бы ее проблемы... Много ли зарабатывает маникюрша? Никто и не подозревал, что она работает в двух местах – в салоне красоты и в бане.

А что теперь будет с Ларочкой? Катя была уверена, что никто из родственников Вики Ларочку не удочерит. Все какие-то неблагополучные, малоимущие, с квартирными проблемами, как и сама Катя. Открытым оставался вопрос с наследством. Понятное дело, что Катя – ее единственная самая близкая родственница, но сможет ли она претендовать на эту квартиру? Получится ли оформить все как положено? Или же квартира перейдет к опекунам Ларочки? Но кто сможет стать ее опекуном? Какие-то старые тетки-бабки? Вряд ли. Остается только она, самая молодая и перспективная, – Катя. Двадцати трех лет. Работающая. Правда, без собственного жилья.

Надо было идти в детский дом, куда определили Ларочку, разговаривать с директором, спрашивать, все выяснять. Но она вот уже неделю откладывала этот визит. Спрашивала себя: а потянет ли она Ларочку? Ведь, помимо того, что ее надо кормить и одевать, придется оплачивать и детский сад... Следует все хорошенько обдумать, просчитать. К тому же если она сейчас, при своей молодости и красоте, не может найти хорошего парня и выйти замуж, то шансов обрести личное счастье с появлением в ее жизни маленькой Ларочки останется еще меньше! Вот потому-то она и боялась завтрашних поминок. Наверняка посыпятся вопросы: где Ларочка? Почему она не дома? Собирается ли Катя удочерять ее? Где они будут жить? Кому достанется квартира?

И вместо того чтобы поминать Вику, будут спорить, бросать на Катю косые взгляды, ворчать... В комнате запахнет едой, все примется с аппетитом поглощать все, что приготовила Катя, и каждый непременно ужалит ее своим презрением, сочтет необходимым произнести какую-нибудь высокопарную мерзость: положила, мол, глаз на квартиру, а девчонку-то, племянницу свою, не взяла, в казенном доме она... Потом все уйдут, оставив после себя гору грязной посуды, и она испытает тяжелое чувство вины...

Она с каким-то ледяным ужасом вспоминала ту минуту, когда увидела на своем пороге незнакомого человека в штатском, который спросил ее, едва она открыла дверь:

– Вы Екатерина Желткова?

Ее адрес он нашел в записной книжке Вики. В сумке, которую обнаружили в разбитой машине.

– Кем вы приходитесь Виктории Желтковой?

Она ответила – двоюродной сестрой, и в эту минуту поняла, что с Викой что-то случилось. И хотя они в последнее время и виделись-то редко и почти не перезванивались, разве что по праздникам, она вдруг осознала, что с ней произошло что-то непоправимое, необратимое.

– Что с ней? – спросила она и замерла.

Мужчина сказал, не моргнув и глазом, спокойно и печально, что Вики больше нет.

Она впустила его, и он начал задавать дежурные вопросы: есть ли у нее еще близкие родственники? Дети? Муж? Родители?..

Она отвечала тихо, боясь звука собственного голоса.

– Чем занималась ваша сестра?

– Работала маникюршей в салоне на проспекте Ленина.

После ухода этого человека ей следовало взять такси и просто помчаться, полететь в детский сад, схватить и прижать к себе маленькую Ларочку, но она почему-то не сделала этого. Так хорошо представила себе, как этот человек приходит к заведующей детским садом, сообщает о смерти Ларочкиной мамы, и заведующая начинает обзванивать начальство, советуясь, как ей лучше поступить, куда определить на первое время девочку...

Потом к ней пришел мужчина, назвавшийся Виталием. Она рассматривала его в глазок и поначалу не собиралась открывать.

– Ты кто ей, сестра? – донимал он ее вопросами, и, разглядывая его через толщу глазка, она уже тогда поняла, что он пьян. Не так, чтобы совсем уж, но порядочно принял. – Открой. Разговор есть.

– Но я не могу открыть. Я же совсем не знаю вас.

– Она была моей девушкой, – лицо его, искажаясь и раздуваясь в призме стекла и становясь уродливым, с чрезмерно большим и расплывчатым носом, пугало ее. – Я – Виталий. Она не рассказывала тебе обо мне? Мы собирались пожениться... Я хотел бы узнать, что с ней случилось. Как она погибла... Выпили бы с тобой, помянули ее...

И она открыла. Поверила ему. Он вошел, такой высокий, крупный, покачиваясь на длинных ногах, сразу прошел в кухню, упал на стул, уставился в окно. Почему-то все, кто садился на этот стул, первым делом смотрели в окно. Словно там и была настоящая, интересная жизнь.

– Я был на ее работе, – сказал он, не поворачивая головы и продолжая смотреть в окно, – и там мне сказали, что ее больше нет. Принесли свои соболезнования. Я и не знал, куда ехать, к кому идти, чтобы хоть что-нибудь узнать... Там, в салоне, мне и назвали твой адрес.

Наконец он оторвался от окна и уставился на Катю:

– Вы не похожи. Совсем.

– Мы двоюродные сестры. Нехорошо, что вам дали мой адрес... Это неправильно. И странно, что я вам вообще открыла.

– А кто теперь будет жить в ее квартире? – спросил он, не обращая внимания на ее слова.

– У меня есть ключ. Я поеду туда. Приберусь. Приготовлю все для похорон, – сказала она, озвучив роившиеся в ее голове мысли. И, странное дело, оттого, что она это произнесла вслух, ей стало как-то сразу все ясно и понятно – что нужно делать, куда идти. Вот только Ларочка и ее будущее все еще оставалось каким-то призрачным, непонятным. Она даже разозлилась на покойницу-сестру, которая, вероятно, все это время разыгрывала перед этим парнем роль бездетной девушки. Потому и определила Ларочку на пятидневку.

– Вы знаете, что у нее осталась дочь? – спросила она, поскольку смысла скрывать существование Ларочки уже не было.

– Да. Знаю. И что теперь с ней будет?

Ну вот, ясно хотя бы, что на роль отца он не набивается. Глупо было бы предположить обратное. Зачем ему чужой ребенок?

– Выпить найдется? – спросил он, подняв на нее глаза. И что-то такое нехорошее прочла она в его взгляде, что даже испугалась, пожалела, чтопустила в дом постороннего человека. И что только нашла в нем Вика? Урод уродом. Да еще и пьет, наверное. Они все пьют, куда ни кинь.

– Нет, я не держу в доме спиртное. Знаете...

– Меня зовут Виталий, – напомнил ей мужчина. – Виталий Юдин.

– Знаете, Виталий, вам лучше уйти. Помяните Вику сами.

– А вы злая! Ладно, я обойдусь и без выпивки. Да и не хочу я, чтобы вы подумали, будто я пришел только затем, чтобы выпить. Расскажите, как все было.

– Очень просто. Мне позвонили, сказали, что сестра погибла.

– Вам отдали какие-нибудь ее вещи?

– Да... Сначала-то пришлось ее опознавать, это просто ужас, кошмар...

– А что с машиной? Не подлежит восстановлению?

– Не знаю, может, и можно ее восстановить. Да только у меня денег таких нет.

– Ой ли?

– В смысле?

– Если вам нужна машина, вы могли бы продать что-нибудь из имущества сестры и отремонтировать ее. Если вам в принципе не нужна машина, вы могли бы ее продать.

– Да какая это машина?! Вы что, не знаете, что это всего лишь «Ока»? Какой смысл с ней возиться?

– Ну, может, в машине что-то осталось? Я не знаю... Сумка, деньги... Она же не бедствовала, работала маникюршей в дорогом салоне. Вы же не можете допустить, чтобы менты забрали все себе. И вообще, вы видели, что там осталось, в машине?

Она вдруг поняла, что он неспроста пришел. Хочет выяснить, что осталось в машине Вики. Зачем? Что там могло быть, чтобы он этим так заинтересовался?

И тут он, словно опережая ее вопрос, пояснил:

– Мы пожениться должны были, я вам говорил. Так вот. Она собиралась покупать кольца и все такое. У нее при себе должны были быть деньги. Приличная сумма, это я ей дал. Поэтому, если тебе скажут, что в ее сумке было пусто, – не верь.

– Вообще-то мне отдали ее кошелек. И там было что-то... Около десяти тысяч рублей. Вы эти деньги имеете в виду?

– Ну, вот, я так и знал. Конечно, у нее было... да около ста тысяч... Вот гады! Хотя... – Он задумался, и Катя про себя усмехнулась, настолько его поведение показалось ей наигранным, неестественным. – Хотя необязательно полиция могла прибрать к рукам ее денежки...

– В смысле? – Брови Кати взлетели вверх. – Вы что, меня подозреваете?!

– Да нет, что вы, что вы! Напротив, я подумал: это мог сделать тот, кто первым обнаружил машину Вики. Вы случайно не знаете, кто это был?

– Сказали, какой-то старик, живущий неподалеку от того места, где произошла авария. Он выгуливал собаку... причем это было очень рано, где-то около пяти утра. Вы думаете, что это он?

– Не знаю... Да и вообще... Ты уж извини меня. Что это я про деньги... Вика погибла... Знаешь, у меня просто в голове это не укладывается. А про деньги – это я из-за сиротки, из-за девочки, дочки ее...

– Ну, если вы собирались жениться на моей сестре, значит, – Катя манерно кашлянула в кулак, – любили ее. А если любили, значит, вам ее судьба была безразлична. Вот я и подумала, может, вы хотите удочерить Ларочку?

– Ясно... – засмеялся Виталий. – Ясно! С тобой все ясно. Что, так и оставишь девчонку в приюте? Ты ее сестра, а малой – тетка, и тебе все равно, с кем она будет жить? Я-то мужик, со мной все ясно, а вот ты – как бы девушка, женщина, будущая мать... Ты на самом деле допускаешь, что я, чужой ей дядька, возьму и удочерю ее? Вику я любил, да, но ее-то уже нет в живых! А что я сам-то могу дать ребенку?

– Хорошо, Виталий. Я думаю, мы поняли друг друга. Давайте-ка разбежимся, пока не наговорили друг другу лишнего, – холодно произнесла Катя, вставая и ясно давая понять гостю, что он здесь явно задержался. – Похороны послезавтра, в двенадцать, адрес вы знаете.

7

Он приехал к ней через два дня, ранним утром. Машина остановилась перед воротами. Валентина в это время высаживала цветочную рассаду и была одета в рабочие штаны, свитер, фартук, на руках – садовые перчатки. Она так увлеченно работала, что не сразу даже поняла, что машина остановилась именно рядом с ее воротами, потому что к соседям то и дело приезжало до десятка машин за день. От мощных грузовых фур с мебелью до изящных кабриолетов. Подняв голову и увидев знакомый «Мерседес», она не поверила своим глазам. Ведь финал их с Игорем Николаевичем вечера никак не предполагал развития этого сюжета. Прекратив по его инициативе разговор по интересовавшему ее вопросу, они остаток вечера просто ужинали, беседовали на какие-то отвлеченные темы, даже шутили, смеялись. Вспоминали общих знакомых – коллег по работе, а потом и вовсе скатились к производственным проблемам...

И вот теперь он стоял за черной чугунной решеткой ворот и наблюдал за тем, как она, нервничая, пытается стянуть с рук тесные, перепачканные землей перчатки...

– Ну, что, гостей принимаете? – услышала она и почувствовала, как кожа ее покрывается мурашками.

– Игорь Николаевич, господи, как же я рада! – Она наконец-то стянула перчатки и бросилась отпирать ворота. – Проходите, пожалуйста...

Распахнув ворота, она жестом предложила ему заехать во двор. И когда проделала это и добилась того, чтобы он ее понял, вдруг с ужасом осознала, как глупо, наверное, она выглядит, предлагая ему заехать к ней. А что, если он приехал вовсе даже не в знак того, что принял ее предложение, а напротив – чтобы предложить ей, скажем, уволиться! Или еще по какой-то другой причине?! Может, он вообще приехал лишь на минуточку!

Однако он, кивнув ей и улыбнувшись, вернулся к машине, сел, заехал, и Валентине не оставалось ничего другого, как запереть за ним ворота.

– Вот и славно... Я рада вас видеть... – говорила она, с волнением наблюдая, как он выходит из машины. Что-то он сейчас ей скажет? Как себя поведет?

– Вообще-то, я приехал жить к вам. Если вы, конечно, не передумали, – услышала она, и ноги ее подкосились. Она подумала, что ей все это снится. Что так, как он себя ведет, что говорит, как смотрит и улыбается – все это возможно только во сне. Или же она сошла с ума.

– Хорошо, отлично. Давайте вынимайте уже ваши чемоданы... – решила она подыграть своему сну, и снисшийся ей Игорь Абросимов покорно открыл багажник и достал оттуда большой, вполне реальный чемодан.

– Скажите, вы мне не снится? Это действительно вы? – решила все же переспросить она, предполагая, что если он ей снится, то никакой ответственности за происходящее она не несет и поэтому может вести себя как угодно. Если же все происходящее не сон и он действительно приехал к ней с чемоданом, что означало – он собирается жить с ней под одной крышей, тогда тем более что дурного в том, если она поведет себя естественно?

– Нет, я вам не снюсь...

Он был какой-то другой. Словно это был не он, а его брат-близнец, которому поручили окончательно разыграть, унижить ее, а потому он вел себя неестественно просто, решительно и даже как-то по-свойски.

Так не бывает!

– Тогда проходите, пожалуйста. Позавтракаем... Я утром только кофе выпила – и сразу в сад...

Она чуть было не проговорила: мол, так давно мечтала занять свой сад и вот теперь не могу нарадоваться, что он у меня есть.

Она не должна была рассказывать ему обо всем, что с ней произошло. Пусть он думает, что этот сад у нее давно и что все то, чем она занимается – цветы, деревья и вся эта деревенская, загородная жизнь, – для нее так же естественны и комфортны, как и городская, вернее, прежняя ее жизнь.

– Вы любите цветы? Кажется, это рассада бархоток? – спросил Игорь.

Он удивлял ее, потрясал каждую минуту. Откуда ему известно, что это бархотки? Он же мужчина!

Между тем он поставил рядом с ней чемодан и теперь стоял как бы в ожидании того, что его проводят в его комнату! Ну точно – сон!

– Вы разбираетесь в цветах?

– Нет, что вы! Так, знаю некоторые, моя мама очень любит цветы, и у нас всегда много бархоток...

– Ну и замечательно. Пойдемте, Игорь.

– Может, вернемся к нашему разговору и перейдем на «ты»? – предложил он, и Валентина почувствовала, как у нее слегка закружилась голова.

Да, странная штука – жизнь! Еще недавно она жила одна, совершенно в других условиях и с другим самоощущением, чувствуя, как жизнь проплывает мимо. Ей казалось, что все вокруг живут настоящей, нормальной жизнью, а она и создана лишь для того, чтобы наблюдать эту чужую жизнь. И вдруг все изменилось.

В ту минуту, когда она осознала, что Игорь действительно приехал, вот он, стоит перед ней с чемоданом в руках и предлагает ей обращаться друг к другу на «ты», она и не вспомнила о том, что отравляло ее настоящее, что постоянно давало о себе знать. Словно ее память, да и рассудок тоже на время стерли эти воспоминания и страхи. Дали ей возможность хоть на недолгий срок почувствовать себя счастливой.

– Игорь, что случилось?

Этот вопрос она задала, когда они спустя некоторое время уже сидели за столом в залитой солнцем веселой кухне и завтракали теплой овсянкой и кофе.

– Ты же вчера, насколько я помню, отказался...

– Да, ну и что же? Вчера я растерялся и не знал, как мне отреагировать на твое предложение. А когда вернулся домой и понял, как я живу, в каких невыносимых условиях... Не могу даже передать, как же это отвратительно, когда заходишь в ванную комнату и видишь, что твоими полотенцами и халатом пользовался другой мужик! И на мыле – его черные волосы. А твоя любимая чашка, из которой ты раньше пил чай, в руках человека, которого тебе постоянно хочется зарезать. Без преувеличения!

– Постой! Но почему ты позволяешь им пользоваться твоими вещами?! Неужели нельзя было как-то договориться? Или твоя жена спустилась с гор и не понимает таких простых вещей? Или же этому офтальмологу доставляет удовольствие пользоваться твоими полотенцами?

– Не знаю. Я, честно говоря, и сам не понимаю, почему все это происходит. Он же вроде медик, все понимает – что это не гигиенично и все такое. Выходит, делает это нарочно. Просто мочит мои полотенца. Такие мелкие, гадкие подлости.

– Они попросту выживают тебя из квартиры! А ты говорил им, что снимешь жилье? Вы вообще говорили о том, как будете дальше жить?

– Нет, я с ними не разговариваю. И моя бывшая жена ничего не знает о моих планах. Но вчера произошло нечто такое... Нет, никаких действий они не совершали, нет, все было как обычно – мерзко и чудовищно, цинично. Этот скрип кровати в нашей спальне... Брр! Возможно, все это наслнилось, одно на другое: наш с тобой разговор плюс алкоголь и все эти «преlestи» нашего совместного с этой парочкой проживания. Просто я вчера очнулся в кухне. Даже не помню, как я там оказался! А в руках моих – нож. Вы представля... Ты представляешь?!

А ведь меня считают весьма сдержанным человеком. Конечно, я собирался снять квартиру и уйти. Это так. Но, поскольку я не привык жить один, не умею готовить и все такое, к тому же я много времени провожу на работе... Словом, я подумал, что это – судьба. И самое лучшее, что я могу сделать в сложившейся ситуации, – это переехать к тебе, сюда.

Игорь Абросимов вдруг встал и подошел к распахнутому окну, вдохнул свежий воздух.

– Здесь прекрасно, вот что я тебе скажу. И еще... Вот ответь мне, пожалуйста: все, что ты придумала, я могу расценить как игру? Ну, что это игра такая... Мы будем с тобой играть в мужа и жену?!

– Ну... да... конечно... – Голос ее предательски дрожал. – А как же иначе? Ведь вы же не любите меня... Чтобы это не было игрой, нужно, чтобы и вы меня тоже полюбили, а это невозможно...

Она тотчас прокляла себя за последние слова. Какое грубое с ее стороны кокетство! Словно он в ответ на это сейчас же воскликнет: что ты, что ты, дорогая Валечка, конечно, все возможно, и я, быть может, когда-нибудь тебя полюблю...

Но он деликатно промолчал.

– Просто поживем вместе... – договорила она уже по инерции. – Попробуем на вкус эту другую жизнь... Для меня, во всяком случае, эта новизна будет как бы в квадрате...

Понятное дело, он не обратил внимания на ее последние слова. И слава богу.

После завтрака она показала ему их спальню, все комнаты, где он мог бы проводить свободное время или заниматься своими делами. Расспросила, какие блюда он предпочитает и, наоборот, чего терпеть не может. Что его раздражает, чего бы ему хотелось...

Из его ответов следовало, что Игорь Абросимов – человек довольно-таки непритязательный, даже скромный. И единственное, чего он терпеть не может, – это молоко (именно молоко, а не то, что из него производят) и уксус. Он сказал, что от одного только запаха уксуса он бежит из дома.

В плане совместного проживания ему и вовсе требовалось немного: чистое белье, горячая вода, телевизор, тихая комната с компьютером, где бы он мог работать или читать...

Вернувшись в кухню после экскурсии по дому, Игорь пожелал обсудить с Валентиной некоторые другие детали совместного проживания.

– Понимаешь... ты сказала, что любишь меня. Я примерно представляю, откуда вдруг взялось это чувство... Я хочу сказать, что ты как бы вообще не знаешь меня, лишь видела издали, и я нравился тебе, возможно, нравлюсь и до сих пор. И это твое чувство, быть может, – я не знаю – переросло в нечто болезненное, что мешает тебе жить.

– Что вы такое говорите?! – попыталась было возмутиться она, но он поймал ее руку и мягко уложил ее на стол, как бы успокаивая.

– Тссс... Я сейчас договорю. А если окажется, что я заблуждаюсь, ты меня поправишь. Так вот. Мне бы даже хотелось, чтобы ты как можно скорее разочаровалась во мне, понимаешь? И тогда ты освободишься от меня, успокоишься, и твоя жизнь войдет в привычную колею. Ведь то, что ты сейчас испытываешь, – это очень сильное чувство. Иначе ты ни за что не решилась бы предложить... «купить меня» на время – в качестве мужа. В сущности, это безумие, но вполне объяснимое. Это любовь, страсть, наваждение, болезнь. Не скажу, что я когда-либо испытывал нечто подобное, нет, и ни на какие подобные безумства я не способен. И я уважаю тебя за то, что ты, вместо того чтобы страдать молча и бездействовать, набралась смелости и пригласила меня... Подожди! Не перебивай меня. Просто я хотел сказать, что согласен спать с тобой в одной кровати, но – пока что – под разными одеялами, чтобы в один прекрасный день ты, открыв глаза и увидев меня, вдруг пришла в себя, протрезвела и поняла, что мы с тобой – чужие люди и что во мне нет ну абсолютно ничего особенного! Чтобы ты, грубо говоря,

разлюбила меня, освободилась от меня, чтобы впоследствии ты выбрала себе более достойного мужчину, который и стал бы твоим настоящим мужем.

Она очень хорошо понимала, что он имеет в виду. Физиология. Конечно! Она всегда видела его в костюме, подтянутого, свежевыбритого и все такое. А дома он может и расслабиться. К тому же в быту он может оказаться и не таким уж удобным или даже чем-то раздражающим человеком. И он, в силу своей доброты, предлагает ей как бы ускорить этот процесс сближения, уверенный в том, что она, узнав его, разочаруется в нем и разлюбит. А если разлюбит, то и освободится.

Да уж, ситуация удивительная! И его предложение, спать в одной кровати – это то, о чем она даже и мечтать не могла, оно просто потрясло ее.

– Хорошо, я согласна, – сказала она, чувствуя, как сердце ее начинает учащенно биться, как кровь бурлит во всем теле.

Мысленно она уже лежала рядом с ним, пусть и под разными одеялами, но положив ему руку на плечо. Или обняв его – как бы ненароком, нечаянно.

Да это же настоящее счастье!

В эту минуту она подумала о том, что он теперь полностью в ее руках! И надо быть полной дурой, чтобы не использовать все свои способности, ум и терпение, чтобы добиться своей цели и приручить его, влюбить в себя.

Эх, жаль, конечно, что природа не наделила ее красотой. Тогда все было бы проще, и тогда он, быть может, сам искал бы предлога, чтобы познакомиться с ней. Вряд ли он, конечно, додумался бы до того, до чего додумалась она, чтобы обратить на себя ее внимание, но все равно он проявил бы инициативу, пригласил ее куда-нибудь, подарил ей цветы, кольцо. Так делают все мужчины, чтобы расположить к себе понравившуюся им женщину.

– Знаешь, ты – удивительная женщина, – вдруг сказал он, улыбаясь, и, вероятно, чтобы как-то приободрить, поддержать ее, нежно похлопал ее рукой по плечу. – И я готов принять твои условия... взамен на нечто другое.

Валентина напряглась. Боже, что-то он сейчас скажет?

– Поскольку мы играем в мужа и жену, зарплату я буду отдавать тебе, чтобы ты тратила ее, как и подобает жене. И ни о каких ста тысячах чтобы ты и не вспоминала! Это был бы перебор. И успокойся. Все, о чем мы сейчас договорились, останется между нами, и ни одна душа не узнает всей правды. Ведь ты этого хотела бы?

– Да, конечно...

– Вот и все. Итак. Игра начинается... Хотя, знаешь, я бы не стал употреблять это слово. Просто попробуем пожить вот так – по-другому.

Лицо его на какой-то миг стало очень серьезным, вероятно, то настоящее, чем он жил еще недавно, напомнило ему о себе какой-то визуальной деталью или внутренним ощущением приближающейся катастрофы. Ведь он этой ночью, возможно, с трудом подавил в себе желание убить человека. Или сразу двух людей. Испугался и принял решение радикально изменить свою жизнь. Пусть даже и таким вот нелепым образом.

– Попробуем, – слабая улыбка осветила лицо Валентины.

– Вот и замечательно! А теперь разбери мой чемодан, погладь мне, если тебя это не затруднит, пару рубашек, – говоря это, он чудесным образом улыбался, – чтобы я был готов к понедельнику, к работе. А сегодня мне бы хотелось съездить в город и купить спиннинг. Ты как? Поедешь со мной?

8

Дверь открыла маленькая полная женщина с аккуратно уложенными золотистыми кудряшками. Гладкий лоб, незначительное количество мимических морщин, маленький нос и очень характерный разрез широко поставленных глаз. Перед Лизой стояла, кутаясь в желтый шелковый халат, известная на весь город травести – Лора Брит.

Это имя всплыло в ее памяти вместе с шелестом цветных слайдов прошлого: синий полумрак зрительного зала, освещенная сцена, маленький мальчик с женскими глазами странным тоненьким голоском разговаривает с дамой в черном; нежные бисквитно-кремовые пирожные в тесном буфете старого ТЮЗа, пузырьки на внутренних стенках тонкого стакана с дюшесом... И еще это слово, хрупкое, как яичная скорлупа, – травести. Сколько же тайн в этом слове! Сколько природной интриги.

Неужели эта маленькая женщина – мать самобытной поэтессы Любы Гороховой?

– Здравствуйте, меня зовут Елизавета Сергеевна Травина. Я вам звонила.

– Да-да, проходите, пожалуйста.

Это была старая большая квартира, слегка захламленная, как это бывает в домах, где хозяева не спешат расставаться с дорогими сердцу вещами. В прихожей, к примеру, в коричневом полумраке сонно поблескивал спицами старый велосипед, а вся стена была просто увешана огромным количеством вешалок, и на каждом крючке висела какая-то одежда, начиная от пижамной куртки и заканчивая меховой горжеткой.

– Проходите, проходите, – увядшая Лора Брит как-то смешно семенила по направлению к гостиной, то и дело оглядываясь, и руками, головой, всем телом как бы подзывая гостью, чтобы та следовала за ней. – Сейчас будем пить чай. С мелиссой. Вы любите чай с мелиссой? Люба, я надеюсь, нашлась?

– Вы же Лора Брит? – спросила Лиза, обращаясь к спине женщины.

И сразу стало как-то очень тихо. Женщина повернулась, и ее маленькие глазки расширились, словно одним из многочисленных талантов актрисы, ее природным свойством было умение так распахивать глаза.

– Вы знали меня? – спросила она, затаив дыхание.

– Конечно! Вы же играли все ведущие роли в нашем ТЮЗе! Да вы почти не изменились! Стоит вам только сменить халат на джинсы и рубашку, как вы тотчас превратитесь в мальчика. Я, кстати говоря, долгое время и не знала, что мальчиков играет женщина... Правда.

– Пусть уже много лет прошло, но все равно, мне, знаете ли, приятно. Проходите, дорогая. Усаживайтесь вот сюда, – Лора провела Лизу в гостиную с длинным, покрытым кружевной скатертью столом, на котором стояла ваза с апельсинами, и села напротив. И тотчас, словно очнувшись, метнулась, забыв про свой возраст, по-мальчишески резко, к двери, на ходу объяснив: – Мне же надо приготовить чай!

«И вот как я скажу ей сейчас о смерти ее дочери?» – думала Лиза, дожидаясь возвращения хозяйки.

Наконец она вернулась с подносом, на котором стояли фарфоровый чайник, чашки, сахарница. И принялась все это расставлять на столе.

– Знаете, у вас такое сейчас нехорошее лицо... – вдруг сказала она, не глядя Лизе в глаза. – Вы же пришли ко мне не для того, чтобы поговорить о Любе как о поэтессе. Это вы могли бы сделать и раньше. Думаю, с Любой что-то случилось. Что-то страшное. И вы просто не знаете, как мне об этом сообщить.

– Я не уверена...

– Она пропала. Не звонит, ничего о себе не сообщает. При том что у нас с ней были очень сложные отношения и я не разделяю некоторые ее взгляды на жизнь – в частности, не люблю я все эти сомнительные группы, клубы, тусовки, как это сейчас принято называть, – тем не менее у нас с ней была какая-то внутренняя, что ли, договоренность: мы всегда должны знать друг о друге все. И уж конечно, где кто находится. Я тоже не сижу дома, постоянно куда-то езжу, чаще всего в Крым, у меня там сестра. И в Москве бываю часто, у своих друзей. Покупаю самый дешевый билет – и вперед! Ту-ту! И Люба всегда знает, где я. И я всегда знаю, точнее, знала, где она бывает. Но ее нет уже третий день подряд!

– Вы знаете все места, где она бывает? – Лиза не рискнула произнести это в прошедшем времени, по той простой причине, что сейчас, находясь в квартире Лоры, подумала, а что, если все-таки в подвале погибла другая женщина?

– Вообще-то, она очень любит... любила... Уф... Любит свой дом. У нее на Пушкинской маленькая квартирка. Это ее мастерская, студия, будуар, гнездо, называйте как хотите. Там она сочиняет свои стихи, принимает своих гостей, там у нее ночует всякий сброд. Вот так.

– Как это понимать?

– Да так и понимать: что пьют эти писатели, поэты, художники по-страшному. А потом просто не могут подняться с места, вот и ночуют у Любы. Вы не представляете себе, сколько постельного белья я отправила на ее квартиру! А сколько посуды? И куда все это девается? Непонятно. Посуда бьется, а постель? Простыни-то куда исчезают? Я уж не говорю про одежду. У нее прошлым летом пропали новые зимние сапоги. Прекрасные, на меху. Я связала ей два свитера – они тоже куда-то делись.

– У нее не было такого пестрого вязаного платья... оно зеленое с оранжевым, красным, желтым?..

– Да. Она очень любит это платье. И носит... носила даже летом... Может, хватит меня мучить? Она была в нем?! Где ее нашли?!

– Вам придется поехать со мной на опознание, – дрогнувшим голосом проговорила Лиза, чувствуя себя – почему-то – виновной в смерти Любы. – Нашли женщину... девушку... Очень похожую на Любу. В пестром вязаном платье. У женщины рыжие волосы. Очень белая кожа. И верхний резец обломан...

– Что, извините, обломано? Я не поняла?

– Верхний зуб.

– Где ее нашли? Что с ней?

– Ее нашли в подвале, здесь, в центре, на Аткарской улице...

– Ее изнасиловали? – спросила Лора Брит (скорее всего, ее настоящее имя было Лариса Горохова или что-нибудь в этом роде) неестественно высоким голосом.

– Нет-нет! От нее чего-то хотели. Я поэтому-то и пришла к вам, чтобы расспросить, что такого могла знать ваша дочь, чтобы ею так... заинтересовались?

– Быть может, она знала какую-нибудь волшебную рифму? – Она издала нервный хохоток. – Или не пожелала сказать своим друзьям-собутыльникам, где прячет бутылку коньяку?

– Я понимаю, вы сейчас в таком состоянии... Но, пожалуйста, попытайтесь вспомнить: когда вы последний раз видели свою дочь, когда разговаривали с ней? Может, у нее появились новые знакомые – или знакомый, мужчина. О чем вы с Любой говорили, что она рассказывала вам? Может, у нее появились деньги? Или, наоборот, вы почувствовали, что она отдает кому-то деньги... Сами понимаете, в жизни случается всякое. И если люди, составлявшие окружение Любы, знали о ее душевной доброте и пользовались ею, то, возможно, появился кто-то новый, кто воспользовался этим в большей степени...

– Вы полагаете, что ее могли заставить подписать документы на продажу ее квартиры? – вдруг оживилась Лора.

– О какой квартире идет речь?

– Да о Любиной квартире я и говорю! Дело в том, что на той улице, где она жила, какие-то богачи выкупили все эти маленькие одноэтажные квартиры в старых, еще купеческих домах. Там все выкупали, ремонтировали и продавали под офисы. Или сдавали внаем. Место тихое, но престижное – все-таки самый центр!

Лиза с трудом представила, что в предполагаемой ситуации люди, заинтересованные в том, чтобы Люба продала им свою квартиру, стали бы ее пытаться! Да ее в два счета заставили бы подписать все, что угодно...

– Скажите, Люба боялась боли?

– Да. Очень. Поэтому-то и к зубному не ходила.

– Как вы думаете, если бы люди, перед которыми поставили цель – получить подпись Любы на продажу ее квартиры, – надавили бы на Любу, ну, я имею в виду, стали бы ее запугивать, ударили бы ее пару раз...

– Она бы все подписала. Она в этом плане слабая... Физическая боль для нее – почти что смерть. Возможно, потом бы она и обратилась в полицию, но терпеть боль не стала бы. Она и горчичники-то не терпит... Боже, неужели Любочка умерла?!

Лиза подумала, что Лора еще не осознала сам факт смерти своей дочери. Возможно, это произойдет лишь в ту минуту, когда она увидит Любу мертвой. А так, пока что, Лора словно бы репетировала роль для нового спектакля, вживалась в образ безутешной матери, у которой убили дочь.

– Знаете, давайте все-таки выпьем по чашке чаю, – и она вновь улыbnулась – странно, страшно. И кто знает, когда наступит момент, когда ее прорвет, когда чувства буквально взорвут ее изнутри?!

Лиза выпила чай, потом, решив, что настало время действовать, предложила Лоре переодеться, чтобы поехать в морг.

– В морг, значит? Сейчас, я мигом...

Лора, путаясь в складках халата, скрылась в одной из комнат и вскоре вышла оттуда в светлых брюках и голубом кашемировом свитере. Ну точно, не осознала. Иначе надела бы что-нибудь темное.

– Вы уж извините, что я не угостила вас апельсинами, – сказала Лора уже на лестнице, когда они спускались вниз. – Знаете, у меня в голове сейчас такая каша... И еще – ощущение, словно вот сейчас моя голова разлетится, взорвется, как бомба! Что-то с моей головой не в порядке. Мне все кажется, что я играю какую-то роль, что я на съемочной площадке, и это при том, что я ни разу в жизни не снималась в кино! Должно быть, если бы это была игра, а не сама жизнь, я бы сейчас натурально так рыдала, да? Да, кстати...

Она вдруг остановилась, открыла сумку и, убедившись, что носовой платок там, облегченно вздохнула и продолжила спускаться по лестнице.

– Вы знаете, – начала рассказывать Лора о своей дочери, пока они ехали по переливавшимся на солнце веселому городу, – Люба начала писать стихи еще девочкой, в школе. Она так страдала оттого, что ее все обзывают рыжей, что придумала несколько четверостиший, очень едких и метких, которые как-то сумели поставить детей на место, и они перестали ее обзывать. А потом она влюбилась – сильно и безнадежно – в учителя истории. И начала писать любовные стихи, знаете, какие-то совсем взрослые, удивительные. И вообще Любочка быстро развивалась – и физически, и умственно. Много читала, увлекалась историей, я возила ее несколько раз в Петербург, рассказывала ей о Петре Первом и Екатерине. Она была открыта для знаний, впечатлений. Между тем ее страдания перешли в совсем уж болезненное чувство: она решила,

что не может больше ждать, пока он, учитель – как сейчас помню, его звали Алексей Николаевич, – обратит на нее внимание, и начала действовать сама. Принялась писать ему письма, записки – и все в стихах, знаете ли! А этот учитель истории на самом деле был очень приятным мужчиной. Я видела его, правда, мельком. Высокий, интеллигентный такой, в костюме и галстуке, взгляд пронзительный, сильный. Думаю, не одна Люба сходила по нему с ума. Уж слишком он был мужчиной, что ли, по сравнению с Любиными одноклассниками.

– И чем же закончился этот платонический роман?

– В том-то и дело, что он был платоническим, а потому для этого человека скучноватым. Люба как-то призналась мне, что и сама не готова перейти эту грань. Что ей кажется: если она допустит его до себя, то что-то в их отношениях сломается. И тем не менее они продолжали встречаться.

– Да уж, в самом деле! И что было потом?

– Они встречались даже после того, как Люба окончила школу и поступила в университет, на филфак. А потом он заболел, у него было воспаление легких, и умер. Думаю, если бы он остался в живых, они поженились бы. Уверена, это была первая и единственная любовь Любы.

– Представляю, как она переживала.

– Я так жалела ее... Не знала, что сделать, какие найти слова, чтобы ее утешить. Когда она немного пришла в себя, мы поехали в Крым, к моей сестре, и там, на море, она окончательно оправилась. Мы сводили ее к одной женщине, волшебнице, которая, с одной стороны, помогла ей поправиться и обрести смысл в жизни, если говорить высокопарно. А с другой – внушила ей мысль, что ее предназначение – поэзия, та самая высокая материя, которая, как я думаю, и погубила мою дочь.

Лиза слушала ее и не знала, как реагировать на эти слова. Можно было, конечно, сделать вид, что она не поняла смысла ее последней фразы. На самом деле Лора, скорее всего, имела в виду тот образ жизни, который вела ее дочь в последнее время. Сочинение стихов, общение с такими же, как и она, белыми воронами, стремление как-то возвыситься над реальной жизнью и теми проблемами, которые досаждают простым смертным, желание раствориться в алкоголе и страстях, забыть о существовании родной матери, потребность отвергать все то, что составляет жизнь окружающих ее людей – семью, заботу о близких, – вот что, по словам матери, погубило ее...

Да, Люба заботилась о своих друзьях, поила-кормила их на деньги, вырученные от продажи своих стихов, и на средства, что давала ей мать, предоставляла им кров, улыбалась им так, словно они и составляли ее настоящую жизнь. Хотя ведь, если бы не та встреча в Крыму с женщиной-«волшебницей» (целительницей, медиумом, гипнотизершей, экстрасенсом, ясно-видящей – называй как хочешь), которая сбила набекрень ее молодые мозги, Люба могла бы влюбиться еще раз, выйти замуж, нарожать детей, и в этом случае вряд ли она оказалась бы в том грязном мрачном подвале, привязанная к стулу, да еще и с кляпом во рту.

В морге эта маленькая женщина потеряла сознание.

Ей хватило одного взгляда на мертвую дочь, чтобы все органы чувств отказались повиноваться ей.

Лиза хотела было вызвать «Скорую», но Герман Туров, судмедэксперт, успокоил ее, мол, сейчас очнется, это обычное дело. Спокойный, ироничный, с ярко-синими глазами, Герман всегда удивлял Лизу своей способностью найти нужные слова и взять верный тон, чтобы привести в чувство любого человека, попавшего в его царство мертвых. Глядя на него, редкий посетитель, оказавшись в его владениях, не спрашивал себя: что делает здесь, в этом аду, такой красавец – молодой и прекрасный, как Ален Делон. Он мог бы зарабатывать себе на жизнь одной

лишь своей внешностью. Лиза, шутя, всегда говорила ему: «Женись, Гера, на дочке Креза и забудь про эти свои трупы».

Однако Гера спокойно относился к своей внешности, считая ее рядовой, обыкновенной, отсюда – заниженная самооценка со всеми вытекающими последствиями.

Лиза, хоть и была замужем и любила своего Гурьева, всегда, встречаясь с Туровым, любовалась им, представляла его живущим другой жизнью и окруженным красивыми девушками.

Сейчас он находился в компании рыжеволосой Любы и ее чудесной мамы, Лоры Брит. Он и понятия не имел о той драме, которую пережили в свое время мать и дочь и которая, возможно, явилась первопричиной того, что случилось с молодой поэтессой.

Но все равно, представляя себе прошлое и настоящее Любы, Лиза понимала, что ее гибель вряд ли связана с ее друзьями и алкоголем. Скорее всего, она, оторванная от жизни, доверчивая не в меру, попала в какую-то нехорошую историю – по наивности, по глупости – и не сумела найти в себе сил выкарабкаться. Права Глафира: вероятно, Люба стала свидетелем какого-то преступления. Может, подслушала что-то, увидела. Или просто оказалась не в то время и не в том месте. Хотя, с другой стороны, будь все так, какой смысл был ее пытаться – чтобы она рассказала о чем-то, о чем она и так знала? Если судить со слов ее матери, Люба боялась боли...

Лора очнулась. Лиза вывела ее на улицу. Они присели на скамейку под липами. Майский ветерок осушил слезы пожилой травести, теплые лучи солнца, дробясь и дрожа, покрыли золотыми пятнами асфальтовые дорожки, соединявшие подходы к основным корпусам университетского городка, где располагался морг. Мимо них, смеясь и цокая каблучками, пробегали тонконогие студентки, спешили куда-то, прижимая к груди пухлые толстые учебники, молодые люди – будущие медики, физики, биологи. Крепко пахло нежной тополиной и липовой листвой.

– Скажите мне, пожалуйста, что с ней сделали? Где ее нашли? Чего от нее хотели?

Лиза, тщательно подбирая каждое слово, рассказала матери о том, что произошло с ее дочерью.

– Теперь вы понимаете, почему я к вам пришла?

– Вы говорите, что ее пытали? Ну, нет... это не про мою дочь! Ее явно с кем-то спутали. Она же такой человек... Она не могла знать ничего такого, чего не рассказала бы под угрозами! Она была слишком открытым и мягким человеком! Да и друзья ее по большей части безобидные. И бедные. Не знаю, куда моя девочка вляпалась...

– Мне нужны фамилии ее друзей, знакомых, кто мог бы рассказать о ее последних днях. Чем она жила, с кем встречалась, куда ездила.

– Господи... Нет, этого не может быть... Вы не представляете себе, как счастлива она была еще совсем недавно! Я просто забыла вам рассказать. Она же недавно, несколько дней тому назад, вернулась из Парижа! Да-да, она выиграла путевку, туристическую, ее книга стихов победила на конкурсе, который устроил один из ее друзей, тоже поэт, ставший бизнесменом... Очень хороший человек, его фамилия Северцев. Владимир Александрович.

Лиза достала блокнот и быстро все записала.

– Лора, если вы в состоянии встать, давайте сядем в машину, я довезу вас до дома. И там вы подробнейшим образом расскажете мне все, что вам известно об этом Северцеве и обо всех остальных знакомых Любы. А заодно дадите мне ключи от ее квартиры. Возможно, там мы найдем ответы на наши вопросы... Лора, вы же хотите, чтобы мы нашли убийцу вашей дочери?

Лора, вместо того чтобы ответить, обернулась к двери морга и внезапно, в эту именно секунду в полной мере осознав всю глубину своего горя, разразилась бурными рыданиями.

9

К вечеру он окончательно осознал, что надо бежать. Все бросить – и бежать куда глаза глядят. Дом, тот самый дом, в подвале которого он убил эту рыжую дамочку, глазел на него не одним десятком окон, и за этими окнами могли в тот момент, когда он выволакивал ее из машины, находиться люди, свидетели. Они могут опознать машину и его самого. И пусть машина угнанная, но все равно, он изрядно наследил в салоне. И пусть его «пальчиков» пока еще нет в базе данных полиции, все равно, лучше подстраховаться и исчезнуть.

К тому же не в лесу ведь все происходило, их могли увидеть и обычные прохожие. И если Николая они могли бы и не заметить, поскольку внешность у него неброская, то суку эту, пугало это огородное с оранжевыми волосами и выбитым зубом, не заметить было просто нереально.

Он поднялся с дивана, на котором провалялся целый день, приходя в себя, и вновь заглянул в холодильник. Словно в его отсутствие в нем могло что-то появиться, «завестись». Голод толкал его в спину, заставил одеться и выйти на улицу.

Надо же такому случиться, что еще недавно он мог бы купить дом в Европе, а может, и гостиницу, кафе, ресторан... Сейчас же он должен считать несчастные рубли, чтобы ему хватило не только на еду, но и на билет до какого-нибудь Тамбова или Воронежа!

Он надел бейсболку, надвинув козырек почти на брови, спустился на улицу и через пару минут вошел в магазин. Так хотелось есть, что на какой-то момент он отказался от желания сэкономить, а потому положил в корзину все то, что любил и без чего не мог жить: колбасу, сосиски, замороженные котлеты. Плюс кетчуп, майонез, пиво, водку. Ну и хлеб, конечно.

Вернувшись домой, он зажег плиту и поставил сковородку, плеснул туда масла и, когда она раскалилась, выложил сосиски. От аппетитного запаха сводило желудок, он судорожными движениями нарезал черный хлеб, открыл бутылку с кетчупом, баночку с майонезом. Разложил всю эту вкусноту на подносе и устроился перед телевизором. Все, как раньше, если не считать того, что теперь на диване с подносом на коленях сидел самый что ни на есть настоящий убийца, преступник, которого ищут по всему городу с фонарями.

Он вновь и вновь вспоминал то утро, когда они с Виталием поняли, что их развели как последних идиотов. Ограбили. И кто?! Две шлюхи!

Николай и раньше называл эту его маникюршу шлюхой, хотя не знал о ней ничего. И пару раз они из-за этого даже катались по полу с Виталием, вцепившись мертвой хваткой друг в друга, пьяные, хрипевшие, ненавидевшие друг друга. «Она не шлюха! Ты ее совсем не знаешь, – хрипел Виталя ему в ухо, и Николаю казалось, что он сейчас оторвет зубами его ухо или опалит его своим горячим драконовским дыханием. – Она нормальная, работает. Чистая! У нее цветы на подоконнике в кухне, а ты – дурак!»

Но все это было так несерьезно... И Николаю на самом-то деле не было никакого дела до этой Вики. Нет, она была, конечно, красивой, нравилась мужикам, возможно, поэтому он и называл ее про себя шлюхой, а иногда, чтобы позлить друга, произносил это хлесткое слово вслух. Но больше всего он боялся другого – что влюбленный в нее Виталий не выдержит, проболтается ей обо всем, что они задумали. Прижавшись к женскому мягкому теплему телу, он захочет (он это знал по себе) рассказать ей обо всем, показать себя сильным и умным, способным на многое ради нее, ради их будущего. Может, если бы Маринка была свободна и не любила своего мужа и если бы у него с ней все сложилось – он ведь дни и ночи планировал операцию с перевозчиком, – может, и он ей тогда во всем признался бы, все рассказал, наобещал бы шубы-машины-путешествия...

Маринка... Он познакомился с ней случайно. Полгода тому назад. Подвозил ее на своей машине. Сначала были только звонки, ни к чему не обязывающие разговоры...

Интересно, помнит ли она, о чем трепались они тогда вечером, в ресторане, куда он пригласил ее, чтобы раскрутить на более близкое свидание? Или же она запомнила лишь очередного ухажера, которому не без удовольствия сообщила о том, что любит своего мужа и согласилась провести с ним, Николаем, вечер исключительно ради того, чтобы сообщить ему об этом? Красивая, веселая, острая на язычок, всегда шикарно одетая, она, видимо, любила поморочить мужикам головы и флиртовала налево и направо, находя в этом некий особый женский смысл. Вероятно, это делало ее жизнь более наполненной, яркой. Хотя, если разобраться, Маринка эта – настоящая сучка, и если бы не ее глупая фраза о том, как можно заработать деньги, несколько не напрягаясь (за этой фразой последовала веселая, с пьяным душком история о перевозчике из фирмы, где она работала секретарем), Николай никогда не спустил бы ей напрасно потраченного вечера и сделал бы все возможное, чтобы только добиться ее. Но она подкинула ему эту идею (спасибо ей), и он ухватился за нее, вычислил фирму, где она работает, потом они с Виталием разнюхали все и про перевозчика...

Вряд ли Маринка помнит об этом разговоре, поэтому то, что случилось с перевозчиком, она вряд ли свяжет со своим случайным знакомым. К тому же она могла рассказать о перевозчике не только Николаю, но и вообще кому угодно. Наверняка и мужу своему любимому рассказывала. И брату, свату, дяде, тете... Видимо, прочно засела в ее хорошенькой головке эта преступная, шальная мысль – напасть на перевозчика и забрать деньги.

Вот если бы у нее не было мужа и у них с Николаем все сложилось бы, то и обмывать дельце они не стали бы с этой рыжей. Были бы Вика и Марина. И, если бы Вика задумала что-то, Марина, заподозрив это, предупредила бы Николая.

...Сытость вызвала прилив тошноты. Нервной тошноты. Он с отвращением смотрел на грязную, в томатных разводах, тарелку, на крошки хлеба. Отнес поднос в кухню, помыл посуду, вернулся в комнату.

Он не знал, куда и к кому ему ехать. Кому довериться. Единственный друг, на которого он раньше мог положиться, стал чужим человеком. Бывший друг так и сказал ему в тот вечер, когда, ворвавшись к нему, набросился и начал бить его кулаками по лицу. Друг был уверен, что они в сговоре с Викой. Иначе откуда ей было знать, что они при деньгах? Что в гостиничном номере, под кроватью, – сумка с огромными деньжищами? Она была Виталию почти женой! И что мешало им договориться? Мужская дружба? Глупости! Конечно, он ей все рассказал. Поделился. И если все же допустить, что он ни при чем и она все провернула в одиночку, все равно возникает один-единственный вопрос: откуда ей было знать о том, что они напали на перевозчика? Об этом деле знали только они двое: Николай и Виталий. И если Николай молчал как рыба и никому ничего не рассказывал, значит, проговориться (поделиться с кем-то) мог только Виталий. Николай так и сказал ему, нанося другу удар за ударом, пока Виталий, оправившись от неожиданности, начал наносить ему ответные тяжелые удары, от которых у Николая зазвенело в голове и по лицу заструилась теплая кровь...

– Как ты мог подумать, что это я?! – орал он, вминая Николая в самый угол прихожей и продолжая избивать его, не помня себя от злости. – Я не говорил, не говорил ей ничего! Наверное, это она сама. Или они – эти бабы... Я не знаю, как она узнала!

Потом они, обессилев, лежали на полу, с разбитыми лицами, тяжело дышали и плевались кровью.

– Ты же был мне другом, – прохрипел Виталий, и этот его хрип был похож на горькие всхлипывания. – Как ты мог подумать, что я захотел тебя кинуть?! Да чтобы я тебя – и променял на бабу? Да ни за что!

– Я никому ничего не говорил. Значит, это ты! И курва твоя исчезла. Куда она подевалась?

– Не знаю. Я ничего не знаю.

– Врешь. Ты знаешь, где ее искать.

– На работе ее нет. Дома – тоже.

– Значит, прячется где-нибудь, сука. Тебя дожидается!

– Да можешь ты наконец понять, что я ничего ей не рассказывал, она ничего не знала!

И я, как и ты, понятия не имею, кто украл наши деньги! Подумай сам: будь это я, разве сидел бы я сиднем здесь, в квартире, вместо того чтобы смыться куда-нибудь подальше от тебя, за границу, прихватив Вику?! У меня правда денег нет. Совсем. Последние на водку потратил.

Не сговариваясь, они с трудом поднялись, умылись, привели себя в порядок, поехали в клинику, где работал брат Николай, Аркадий. Специалист по иглоукалыванию.

– Думаешь, даст? – спросил Виталий Юдин, провожая Николая взглядом до крыльца клиники.

Они здесь бывали не раз, вдвоем, так же приезжали просить денег у Аркадия. Тихое место в центре города, закрытый с трех сторон дворик, засаженный сиреневыми кустами, мраморные ступени, белая сводчатая дверь. Говорили, что в этой клинике волшебным образом избавляют людей от болей в спине. Лечат иглоукалыванием, пиявками, электрическим током.

– Даст. У него много денег, – приглаживая ладонями волосы, не оборачиваясь, ответил Николай, открывая дверь.

Вернулся с деньгами, качнул головой, мол, пошли. В магазине за углом они купили водку, виски и колбасу. Вернулись к Николаю и два дня пили. Пока продукты не закончились. На третий день они вымылись, оделись во все чистое (Николай одолжил другу свою одежду) и отправились на поиски Виктории. Нашли салон красоты, где она работала, Виталий вспомнил, что у Вики была подруга – Женя. Разыскали и эту Женю, вызвали ее на улицу.

– Где твоя подруга? – волнуясь, спросил Виталий худенькую, черненькую, в коротком бирюзовом форменном халатике, девушку. – Виктория Желткова?

– Вика? Вы что, не знаете? – Глаза ее моментально наполнились слезами. – Да она же погибла! Разбилась в своей машине! Несколько дней тому назад!

И она назвала точный день: третье мая, когда пропали деньги.

– Как это случилось? – спросил оглушенный известием Виталий. – Когда именно?

Женя рассказала, что в понедельник Вика не вышла на работу, телефон ее не отвечал. А потом, на следующий день, в салон пришел полицейский и сообщил всем о ее смерти. Задавал им какие-то вопросы. Хотел знать, с кем встречалась Вика, куда она могла ехать ранним утром. Женя возмущенно заметила, что этим полицейским делать нечего, только задавать глупые вопросы! Какая разница, как она жила и с кем встречалась, если ее машина врезалась в столб!

Поговорив с Женей, приятели отошли в сторону: «перетереть» услышанное. Подготовить новую порцию вопросов.

Нашли тихое место за салоном, сели на скамейку, закурили.

– Надо срочно спросить, кто нашел машину, – нервно переплетая и расплетая пальцы, говорил Виталий. – Ведь если была авария, значит, машину кто-то заметил, и этот человек вызвал полицию. Он же мог увидеть на сиденье сумку с деньгами...

– ...увидеть – и взять ее, – покачал головой Николай.

– Вот черт... В голове не укладывается, что ее больше нет! Теперь уже и не знаю: то ли злиться на нее, она ведь деньги сперла, то ли жалеть – все-таки померла.

– В любом случае она – дура, – сказал Николай. – И потому что деньги ukrала, и потому что в пять утра, или когда там, врезалась в столб... Баб вообще нельзя сажать за руль! В пять утра на улицах вообще никого нет! Надо здорово умудриться, чтобы не справиться с управлением и вписаться на полной скорости в столб.

– Вроде и не пьяная ведь была, проспалась после ресторана. Или вы в спальне еще нака-тили?

– Нет, мы больше не пили. Я как лег, так сразу же и уснул.

– Знаешь, а ведь они, эти бабы, могли нам подсыпать чего-нибудь в выпивку, когда мы сидели в ресторане! Чтобы мы сразу уснули. Вот видишь, ты сразу уснул. Да и я вроде тоже. Хотя, честно говоря, я мало что помню.

– Послушай. Я ночью вставал отлить, вот сейчас вспомнил. Уже светало. Первым делом я заглянул под кровать – сумка была еще там. Вот когда, в какой момент они ее оттуда вытащили?! И куда ее дели?! Сумка-то большая!

– Знаешь, если бы эти бабы вышли из гостиницы с сумкой в руках, дежурный их увидел бы! И запомнил!

Они вернулись в салон, вновь вызвали на улицу Женю, засыпали ее вопросами, узнали, что аварию видел какой-то старик, живший поблизости и выгуливавший в тот момент собаку. Еще они выяснили, что у Вики, оказывается, есть сестра, которую она время от времени поздравляет с праздниками, пишет ей открытки. И что в салоне, в рабочем столике Вики, сохранилась тетрадка, куда она записывала номера телефонов и адреса своих клиенток, и там наверняка есть координаты и сестры. Женя вынесла им эту тетрадь, и Виталий без труда нашел запись, сделанную ее рукой, – «Катя Желткова», а напротив – номер телефона и адрес.

Приятель переглянулись и подумали в этот момент об одном и том же: а что, если Вике помогала эта самая Катя Желткова? Именно в тот самый момент в голове Николая и возник план...

После визита в салон они отправились в гостиницу «Милан», один вид которой вызывал теперь у них скрежет зубовой. Модная гостиница с рестораном, с претензией на итальянский стиль. Спагетти, ризотто, пицца...

В тот вечер они заказали итальянские и сицилийские блюда, на деле оказавшиеся обыкновенным куриным супом (консоме куриный с макаронами «Гарибальди»), вареной рыбой (осетрина по-итальянски) и гуляшом (итальянский паприкаш). Еще было вино, виски. Женщины пили вино, много смеялись, шутили, то и дело переглядываясь со своими кавалерами, уже тогда, вероятно, посмеиваясь из-за того, что собираются их развести на деньги.

Он ничего не знал о женщине, сидевшей за соседним столиком и потягивавшей вино. Она была в черном с блестками платье, с обнаженной шеей, обвитой ниткой искусственного жемчуга. Вся такая из себя манерная, улыбалась, глядя в пространство, ярко-накрашенными губами. Вероятно, ее присутствие за соседним столиком и входило в первую часть их плана (это в том случае, если поверить Виталию, что он непричастен к исчезновению денег, что это – дело рук подружек). Поскольку у Виталия была Вика, а Николай был как бы один, многозначительные переглядывания с рыжей соседкой очень скоро закончились приглашением одинокой девушки за их столик. Она, собственно, и не ломалась вовсе. Встала и, прихватив с собой бокал с вином, уселась как раз напротив Николая (о том, что это была случайная встреча, он уже не мог думать). Слово за слово, шутка за шуткой. Кажется, она сказала, что пишет стихи, и это почему-то вызвало у них взрыв хохота. Виталий, бывший в прекрасном настроении, сразу же сообщил, что он вообще писатель и пишет роман. Снова все расхохотались. Много пили, танцевали, Николай к концу вечера откровенно обнимал девушку за талию и ниже, говорил, что вечер продолжится в номере, где будет еще веселее, чтобы она никуда не уходила. От нее

пахло сладкими духами, а еще она ела много шоколада... Вика вела себя посдержаннее, как будущая жена, и это сразу не понравилось Николаю. Его планы чуть ли не на следующий день рвануть куда-нибудь на острова грозили рухнуть именно из-за этой положившей глаз на его друга маникюрши. Разве она отпустит Виталия? Как пить дать, увяжется за ними...

– Знаешь, мне здесь как-то нехорошо, – признался Николай, когда они подходили к стойке дежурной. – А тебе?

– А у меня живот разболелся, – признался в свою очередь Виталий. И, улыбнувшись девушке за стойкой, спросил, не снимала ли приблизительно неделю тому назад здесь, в гостинице, номер одна женщина по фамилии Желткова?

Николай видел, как друг сунул дежурной пятисотку. Спустя несколько минут они узнали (к своему стыду и ужасу!), что – снимала! Виктория Желткова! Всего на одну ночь, как раз с рокового воскресенья на роковой понедельник!

Задав свой не менее важный вопрос дежурной (к счастью, сегодня работала та же самая девушка, что и в воскресенье) – не видела ли она, как в пять утра из гостиницы выходила женщина (или две молодые женщины) с большой спортивной сумкой, – они услышали: да, действительно, выходили – две женщины. Но не одновременно, с разницей примерно в час. Сначала ушла темноволосая худенькая женщина в светлом костюме, а потом – рыжеволосая, в черном платье. И ни у одной из них не было с собой большой сумки. Это точно! Еще дежурная заметила, что вид у женщин был помятый, невыспавшийся.

Они отошли от стойки, скрылись за колонной, чтобы девушка, «питавшаяся» пятисотками, не могла рассмотреть выражение их лиц.

– Если у нас номер был триста пятнадцатый, а у нее – четыреста пятнадцатый, значит, он этажом выше, – простонал, обливаясь потом, Николай. В голове его вертелось: это ты, жучара, с ней договорился, она бы сама ни за что не догадалась или просто не посмела бы!

– Вот сука! – вторил ему, фальшиво, как казалось Николаю, выражая свое негодование, Виталий. – А ведь я ей верил. Жениться на ней собирался!

– Зачем она сняла номер?

– Как – зачем?! Чтобы ночью или под утро отнести туда сумку!

– Но если они *не выносили* сумку, то куда же она делась?

Приятель вновь метнулся к стойке дежурной.

– Нам надо срочно попасть в этот номер... Скажите, там сейчас кто-нибудь живет?

– Да нет. Там целый этаж сейчас пустует. А что случилось?

– После этой... Желтковой номер убирался?

– Конечно. Кто же оставит его неубранным? Думаете, та дама оставила в нем миллион долларов? – засмеялась девушка, даже и не подозревая, что попала в самую точку, в самый нерв.

– Эта женщина – моя гражданская жена, – серьезным тоном ответил ей Виталий. – Она разбилась насмерть в то утро... при ней не оказалось ни документов, ни драгоценностей.

– Боже мой! Какой ужас! – Улыбка сползла с лица молоденькой дежурной. – Тогда вам лучше обратиться в полицию. Но не думаю, что она оставила все это здесь, у нас. К тому же у нас проверенный персонал. И, если бы горничная обнаружила что-нибудь ценное в номере, тем более документы, она непременно сообщила бы об этом администратору. У нас с этим строго!

Но они все-таки уговорили девушку, чтобы та вызвала горничную, убиравшуюся в номере на четвертом этаже, и проводила их туда. Но перед этим они вместе с ней заглянули в номер на третьем этаже, где они провели ту самую, перевернувшую их жизни и уничтожившую дружбу, ночь. Николай сразу же метнулся к окнам и попытался открыть их.

– Что вы делаете? Зачем вам это? – испуганно спрашивала горничная, невысокая полненькая женщина средних лет в белом фартучке. Она-то в отличие от бывших постояльцев вела себя естественно.

Но Николай, не обращая на нее никакого внимания, продолжал свое дело.

Окна с треском и скрипом наконец открылись.

– Вот! Видишь? Невозможно их открыть бесшумно. Поэтому-то она и сняла другой номер! А сумку, – он понизил голос и заговорил в самое ухо Виталия, – выбросила в окно! Поэтому дежурная, когда они выходили, и не увидела ни у той, ни у другой никакой большой сумки. Они выбросили сумку во-о-он туда, – он высунулся из окна, и густая каштановая листва бросила на его голову зеленоватую бликующую тень, – в траву. Вышли налегке, пританцовывая, суки, обошли гостиницу, взяли спокойно сумку, сели в машину и покатали...

– Думаешь, они не могли бы это проделать в нашем номере? В смысле, выбросить ее отсюда?

– Думаю, это было опасно. Кто-нибудь из нас мог бы проснуться от этого шума. Они не хотели рисковать.

– Но почему она сняла номер точно над нашим?

– Полагаю, для того, чтобы, находясь наверху, слышать все, что происходит внизу... Если бы она услышала наши голоса, то знала бы, что мы проснулись и все такое... А так, уверенная в том, что мы спим, она и выбросила... в окно.

– Послушайте, у вас что-нибудь пропало? Но я клянусь вам, что ничего в этом номере не было! – возмущаясь, оправдывалась горничная.

– Пойдемте, вы покажете нам такой же номер на четвертом этаже.

Там они тоже открыли окна. Да только сразу, с первых минут, стало ясно, что петли этих старых деревянных рам были предварительно смазаны, а потому, открываясь, они не издали ни единого звука.

– Ну, что я говорил?! – Николай бросил на Виталия презрительный взгляд, понимая, что теперь, что бы тот ни говорил, как бы ни пытался его убедить в своей непричастности к этому делу, он все равно не поверит бывшему другу.

– Почему ты так смотришь на меня? – вскинулся Виталий.

– Алле, вы что, так и будете пререкаться? Посмотрели, что вам нужно было, и давайте уходите отсюда... У меня работы много. Ходят тут, окна раскрывают зачем-то! Вы что, сумку потеряли?

Приятель одновременно резко повернули головы в ее сторону.

– Что это вы так на меня смотрите? Никакой сумки здесь не было! Ни тут, ни там, внизу. Могу поклясться здоровьем моей единственной дочери! Я – не воровка! И работаю здесь уже восемь лет! Мне люди свои ноутбуки доверяют, документы, я имею в виду, наши постоянные клиенты. Они больше доверяют мне, чем сейфу там, внизу! У меня свой сейф есть, в надежном месте. Так что, если что-то надо спрятать, милости прошу. И недорого возьму.

Вышли из гостиницы, обошли ее, потоптались в том месте, куда, предположительно, подружки-воровки могли бросить сумку.

– Что ты тут ищешь? – не выдержал Юдин. – Надеешься найти пачку-другую банкнот?

– Что, смешно? – огрызнулся Николай. – Лучше скажи, куда деньги девал? Да я ни в жисть не поверю, чтобы баба сумела все это придумать! С четвертым этажом и все такое! Это вы с ней на пару поработали. Или же – не с ней, а с той, рыжей! Откуда она взялась в ресторане?! Видно же, что непрофессионалка. И за соседним столиком сидела, хотя вокруг было полно свободных мест. И переглядываться сразу со мной начала, в постель ко мне залезла, чтобы бдительность усыпить! Грубая работа!

– Послушай, ты! – Виталий повернулся и схватил его за ворот. Глаза его при этом стали какими-то мертвыми, незрячими. – Сколько раз я должен говорить, что это не я?! Да, может, это как раз ты с этой рыжей и схлестнулся, и это она вынесла сумку...

– Давай, давай плети дальше... Что же ты остановился? Номер-то кто снял? Твоя Викуша! Виктория Желткова. Может, придумаешь, что я у них третьим был, да? И теперь вот мотаюсь с тобой по гостиницам, изображаю из себя жертву? Лучше расскажи мне, что ты с ее машиной сделал? Тормозной шланг подрезал? Угробить ее решил, чтобы все денежки присвоить?

– Да я же с тобой в номере оставался, ты что, не помнишь?!

В какой-то момент они вдруг осознали, что ненавидят друг друга. Каждый подозревал другого.

– Запомни, Виталя, – Николай тяжело дышал, ему было так нехорошо, муторно, что он едва держал себя в руках. – Я теперь постоянно буду за тобой наблюдать! И если увижу, почувствую, что ты меня обманул, я, когда у меня появятся доказательства, – достану тебя и убью! Обещаю.

– Аналогично, – вяло ответил Юдин. – Да только ты не там ищешь.

И почему только его последние слова так врезались в память? Почему? Может, в какой-то момент он все-таки поверил Юдину и отказался от мысли, что это он украл деньги? На самом деле, зачем Юдину было красть, если после этого он не смог бы уже жить спокойно, он же не мог не понимать, что Николай будет искать доказательства его вины, преследовать его? Да этих огромных денег хватило бы на роскошную жизнь и тому, и другому! Больше того, может, они и поселились бы вместе где-нибудь в Испании или Италии (планов было много, и во всех своих мечтах они видели себя вместе!), дружили бы семьями.

Но, с другой стороны, Вика Желткова, простая маникюрша – откуда она могла узнать о деньгах? Как сумела все это придумать? И не страшно ей было, наконец?

Если это Вика, действовала она на пару с рыжей. И если Вика погибла, то рыжая-то жива и наслаждается жизнью где-нибудь подальше от России...

Так он думал, так рассуждал, пока однажды вечером вновь не заглянул в «Милан». Спустился в ресторан и, к удивлению своему, увидел подвыпившую и веселую подельницу Вики...

И что теперь? Теперь она мертва, а Николая ищут. И найдут, если он не возьмет себя в руки и не предпримет нечто такое, чтобы исчезнуть бесследно. Эта рыжая... Господи, он опять забыл ее имя... Люба, что ли? Станут копать, выяснять, где она была, с кем, узнают, что ее видели в ресторане, начнут опрашивать официантов, доберутся до дежурной в гостинице, и та вспомнит, что приходили к ней двое, бывшие в компании с двумя женщинами, среди которых была и Люба, спрашивали о какой-то сумке, поднимались в номера, интересовались Желтковой! А у Желтковой был жених – Виталий Юдин!!! А у Юдина есть кореш – Николай Шторин! Господи, какие же они идиоты, что приперлись в гостиницу еще раз!!!

Хотя разве могли они тогда предположить, что следом за Желтковой умрет и Люба? И умрет она, не выдержав пыток Николая! Да и Николай не ожидал от себя такой жестокости!

Бежать! Бежать, и чем скорее, тем лучше! Пока его не вычислили, не обнаружили!

...И он бросился собирать сумку.

10

Вечером Глафира рассказывала Лизе о своем визите в клуб литераторов.

– Что я могу тебе сказать, Лиза... Этот клуб, как я поняла, посещают творческие натуры, которые не смогли реализовать себя как профессиональные литераторы. То есть это поэты и писатели, которых не издают, понимаешь? Они сами себя издают. Как правило, эти люди уже имеют профессию – от сторожа до кандидата наук – и занимаются поэзией в свободное от работы время. Они интенсивно ищут спонсоров среди бизнесменов или чиновников, чтобы издаться. Обычно тиражи их книг составляют, самое большее, тысячу экземпляров, и они страшно гордятся этим...

Лиза, которая в это время ужинала в кухне за столом в компании своей маленькой дочки Магдалены и няни, слушала внимательно, однако от Глафиры не ускользнуло, что она сильно расстроена.

– Ну? И что же дальше? – рассеянно проговорила Лиза, разминая в детской тарелке картошку с маслом. – Ешь, Маги, ешь, моя хорошая. Глаша, поужинаешь с нами?

– Нет, спасибо... Лиза, что с тобой?

– Я познакомилась сегодня с Лорой Брит, – убитым голосом произнесла Лиза.

– Что-то знакомое...

– Это псевдоним актрисы нашего ТЮЗа, известной травести.

– Поняла. Это мать Любы Гороховой.

– Да. Знаешь, я, наверное, никогда не привыкну к смертям. Так жаль ее, бедняжку! Отношения с дочерью у нее не сложились, но ведь она любила ее безумно... Так что там с этим клубом? Удалось узнать что-то о Любе?

– Да. Я разговаривала с руководителем клуба, поэтом Иваном Долгопятовым, он очень хорошо знаком с Любой. Говорит, что она – талантливая поэтесса, любимица всех членов клуба, с одной стороны, а с другой – многие ей завидуют. Вот, к примеру... И он рассказал мне историю о том, как ее книга стихов, изданная в январе, заняла первое место в городе, и Любе, помимо того что выплатили тысячу долларов, дали еще и путевку в Париж на неделю. Конкурс этот организовал тоже поэт, он же бизнесмен, Владимир Северцев.

– Да, я уже слышала эту историю.

– После того как ты мне позвонила, ну, после опознания Любы, когда не оставалось никаких сомнений в том, что погибла действительно она, я, конечно же, сообщила об этом Долгопятову. И его реакция была странной. Представляешь, он вдруг заплакал. Да так искренне! Сказал сквозь слезы: он предполагал, что она умрет не своей смертью.

– Вот как?!

– Да, я попыталась его растормошить, расспросить, почему он так думал. На что он ответил мне, что Люба была слишком доброй, водила к себе сомнительных приятелей, пристрастилась к алкоголю, а это все до добра не доводит.

– Получается, он рассказал тебе практически все то же, что и Лора, ее мать, говорила мне. Беспорядочный образ жизни, веселье – под вино и восторженные возгласы слушателей, – ведь она, как и все поэты, наверняка декламировала им свои стихи. Я даже представляю себе, как она сидит за накрытым столом, вокруг нее – поклонники, слушают ее стихи, поднимают рюмки за ее успехи...

– Я спросила, не было ли у Любы постоянного ухажера, поклонника, любовника, наконец. И знаешь, что он мне ответил? Что – нет, в ее квартире собиралось, как правило, всегда несколько человек. И все они как бы оспаривали друг у друга свои права на нее. И ей как будто все это очень нравилось.

– Да, жаль, что все так случилось. Она действительно была талантлива... Глаша, что еще?

– Я записала фамилии всех ее друзей-поэтов, собутыльников, случайных приятелей. Оказывается, этот Долгопятов в курсе ее личной жизни. Ее основное постоянное окружение, с его слов, составляли: Сергей Леров – музыкант и литератор, разносторонне одаренная личность, автор многочисленных книг о Пушкине, он же – литературный критик и прозаик; Володя Сурков – писатель-прозаик, автор на шумевшего в свое время романа «Монах», сейчас больной, спившийся человек; Михаил Семенов – также прозаик, когда-то давно он написал несколько детских повестей, его печатали в «Роман-газете», в «Юности», он дружит с известными российскими писателями, у него много друзей и в Москве, и в Сибири... Также Люба дружила со скульптором Иваном Тумановым, автором скульптурной композиции «Материнство», она стоит на улице Некрасова.

– Уверена, что и сам Долгопятов бывал частым гостем в ее квартире. Завтра утром вместе с Сергеем мы поедem к ней домой, посмотрим, может, удастся что-нибудь там обнаружить.

Ольга, няня Лизиной дочки, присутствовавшая при разговоре, тихо сказала:

– Я тоже видела вашу поэтессу несколько раз, в центре города. Такая невысокая молодая женщина, продающая свои стихи, да? Это ее убили?

– Да, Оля. Причем не просто убили, ее сначала пытали. Как будто она могла что-то знать. Ума не приложу, чего от нее хотели?

– Денис тоскует без работы, может, озадачим и его? – тихо предложила Глафира.

– Конечно, – оживилась Лиза. – Оля, подай мне, пожалуйста, мою сумку. У меня там есть фотографии Любы. Надо дать ему одну, чтобы он отправился в ресторан «Милан». Пусть покажет ее официантам, порасспрашивает их.

– Вот он обрадуется! Знаешь, он спит и видит, как вернется к нам, до того ему наскучило в прокуратуре.

– Вот пусть и поработает. Оля, Маги уже пора спать...

Лиза взяла девочку на руки, поцеловала ее в нежный розовый лобик и с улыбкой протянула няне.

– Знаешь, она хоть и плохо ест, и с аппетитом у нее проблемы, но стала такая тяжеленькая! Откуда что берется?!

Маленькая Магдалена в розовом махровом халатике была красивым пухленьким ребенком с большими темными глазами и русыми кудряшками. Ольга взяла малышку, прижала ее к себе и унесла в детскую.

– А где Гурьев? – спросила Глаша. – Он что, снова уехал?

– Нет, просто мы поссорились. Ну, не совсем, конечно, это можно назвать ссорой, но все равно... Помнишь Тайлершу?

– Ирину? И что?

– Я же хотела заняться ее мужем, выяснить, откуда у него такие деньги и все такое. Словом, собиралась попросить Диму, чтобы он рассказал мне что-нибудь о нем. И знаешь, что он мне сказал?

– Что?

– Чтобы я не совала нос куда не следует, – Лиза изменилась в лице, и Глаша поняла, что ее подруга сильно уязвлена словами мужа. Он ее попросту оскорбил, обидел. И это при том, что Лиза считается в городе одним из самых сильных адвокатов, что она – профессионал широкого профиля. И, что самое удивительное, Гурьев сам прекрасно знает об этом, но, поскольку он тоже занимается адвокатскими расследованиями и защитой, вероятно, ему доставило особое удовольствие унижить жену.

Лиза между тем с трудом удерживалась от слез.

– Вот скажи, Глафира, – прошептала она, – почему они, мужики, такие? Почему он, вместо того чтобы как-то поддержать меня, помочь, предоставить мне информацию, старается как-то уколоть меня, дать мне понять, что я – ниже его?

– Я не удивляюсь твоему Гурьеву, – сказала Глаша. – Если ты помнишь, моему Адаму тоже не нравилось, что я занимаюсь расследованиями, больше его зарабатываю, что меня никогда нет дома. Они, мужики, считают, что наше предназначение – это дом, дети и хозяйство.

– Но за Маги прекрасно смотрит Ольга! Она чудесная няня, очень любит Магдалену. Я знаю, что всегда могу на нее положиться. Может, когда Маги станет постарше, я и стану уделять ей больше времени, но сейчас, когда она так мала...

– Лиза, все я отлично понимаю! Но, может, Гурьев сказал это вовсе не для того, чтобы обидеть тебя, а с другой целью?

– С какой?

– А тебе не приходило в голову, что он знает об этом Тайлере нечто такое, что вызывает в нем желание оградить тебя от вмешательства в его дела?

– Хочешь сказать...

– Я могу лишь предположить, что то новое дело, из-за которого он отказался от отпуска, и связано с Тайлером. Может, Тайлер сам обратился к нему с просьбой найти эти деньги? А его жена, вспомнив о твоём существовании, тоже решила за спиной мужа каким-то образом начать действовать? Позвонила тебе, попросила кое-что разузнать. Ты рассказала об этом Диме?

– Да нет, конечно!

– А он тебя спрашивал: мол, с какой стати тебя заинтересовал этот Тайлер?

– Ну да, спросил, конечно.

– И что ты ему ответила?

– Что меня попросили собрать о нем сведения.

– Думаю, он поинтересовался, кто именно обратился к тебе за этой информацией.

– Но я ему ничего не сказала. Я же обещала Ирине, что буду действовать тайно, чтобы ее муж ни о чем не догадался.

– Знаешь, что? Ты должна откровенно поговорить с Димой и все ему рассказать. Возможно, действуя вместе, вы добьетесь результатов.

– Но мы еще никогда практически не работали вместе. И я не представляю себе, как буду работать под его началом. Вообще не знаю, как себя вести. Когда я что-то делаю сама, у меня все распланировано, я знаю, что мне нужно предпринять, в каком направлении действовать. А так... с ним вместе? Не знаю.

– Лиза, это же только мои предположения. Кстати, ты узнала что-нибудь, занимаются ли делом Тайлера? Ищут грабителей?

– Узнала. Нет, официального заявления от Тайлера не было.

– Что и требовалось доказать. Вот скажи, если бы у тебя украли такую крупную сумму, ты обратилась бы в полицию?

– Глафира! Тьфу, тьфу... Не накаркай! Конечно, обратилась бы!

– Хорошо. Тогда ответь на такой вопрос: в каком случае ты бы все-таки туда не обратилась?

– Если бы я занималась противозаконной деятельностью, это же ясно!

– Вот и все! Я сейчас уйду, а ты поговори с мужем, расскажи ему о Тайлере, и увидишь, что я была права, что Тайлер, может быть, через третье лицо, обратился к Диме, чтобы тот помог ему найти этих гаишников. И если мы с тобой работаем в основном с Мирошкиным, то у твоего Гурьева связи покруче. Ладно, Лиза, думай сама, решай, как тебе лучше поступить. Но твой Дима – совсем не такой, каким был мой бывший муж, Адам. И я уверена, что он тебя ценит. Просто боится за тебя, вот и все.

– А у тебя-то как, Глаша? Как с твоим Димой? Надо же, у нас одни Димы... Все в порядке? Вы ладите?

– Слава богу! Единственное, он тоже возвращается домой поздно. Но я знаю, что он работает, а потому стараюсь не упрекать его, не трепать нервы. Он очень хороший человек и, думаю, благодарен мне за то, что его сыновья теперь живут рядом с ним вместе с нами, что у нас – семья.

– Надо полагать, тем, что у тебя появилось свободное время, ты обязана его сестре.

– Надя – молодец. Как-нибудь я вас обязательно познакомлю.

– Давай на эти выходные отправимся за город, на дачу! – предложила Лиза.

– За город – тогда лучше к нам! Ты же помнишь, у Родионова прекрасный дом.

– Ну, теперь ты имеешь право сказать «у нас прекрасный дом», не так ли?

– Да я все никак не привыкну, если честно. Как-то сразу все на голову свалилось – и хорошее, и трудное. Правда, приезжайте с Димой к нам в эту субботу, мы с Надей мясо замаринуем. Сейчас в саду так красиво, все цветет... Можем пойти на Волгу...

– Красиво, говоришь! Хорошо, я подумаю.

– Я пойду?

Лиза проводила Глафиру. Подруги обнялись.

– Спокойной ночи, Лиза.

– Спокойной ночи.

Глафира вышла из квартиры Лизы и, едва за ней закрылась дверь, почти бегом бросилась вниз, где в машине ее поджидал Денис.

– Денис, ты уж извини, что так долго, но я не хотела, чтобы Лиза поняла, что я куда-то спешу. Все должно было выглядеть очень естественно, понимаешь? Хотя, может, я и перестаралась, ведь я могла бы сказать, что мне нужно домой, меня, мол, ждут. Но главного я добилась – тебе поручено отправиться в ресторан «Милан», как мы с тобой и предполагали.

– Она отдала тебе фотографию?

– Да! Вот, держи!

Глафира села на водительское место, включила свет и протянула ему фотографию Гороховой. Денис, как отметила про себя Глафира, за последние пару месяцев поправился, возмужал. А ведь совсем недавно, когда Лиза взяла его на работу, он был вообще похож на мальчишку. Красивый парень! Русые волосы, серые глаза, высокий, статный!

– Наконец-то! А то сижу сиднем в кабинете, от скуки просто с ума начал сходить. Знаешь, дела подсовывают мне такие скучные. Сижу, читаю... Нет, конечно, это полезное занятие, но...

– Ладно, не оправдывайся. Поехали в ресторан. Хотя наличие зубочистки из этого ресторана еще не говорит о том, что Люба там была. Эта зубочистка могла оказаться у нее случайно. Но и мимо этого факта мы тоже пройти не можем.

– А тебя твой муж не заругает, если узнает, что мы с тобой...

– Нет. Это исключено. Когда я выходила за него замуж, мы все обговорили. У него – своя работа, у меня – своя. Важно то, что он мне доверяет и понимает, что моя работа мне нравится.

– Разумно. Но я бы лично ревновал.

К ресторану, расположенному в самом центре города, на тихой улочке, застроенной старинными, еще купеческими домами, они подъехали в половине десятого вечера. Фонари освещали словно изнутри кроны старых тополей и дубов. Ресторан располагался на первом этаже четырехэтажного отреставрированного особняка, остальные этажи были отданы под гостиницу. Помпезная зеленая неоновая вывеска «Милан» никак не вязалась с общим стилем старинной части волжского провинциального города, однако хозяин наверняка в свое время проникся очарованием итальянских курортов и решил воссоздать в своем родном городе хотя бы

уголок этого средиземноморского рая. К тому же он наверняка решил, что спагетти и пицца за последние десятилетия стали для россиян обычной, почти русской едой, а потому, открывая итальянский ресторан, он мало чем рисковал.

Глафира и Денис поднялись на крыльцо и открыли дверь. Оказались они в круглом зале, в одной части которого находился вход в ресторан с примыкавшим к нему гардеробом и сидевшим на стуле пожилым швейцаром в зеленой ливрее, в другой – стойка дежурной гостиницы, холл с мягкими, тоже зелеными диванчиками, красивыми золочеными светильниками и мини-баром.

Ресторан встретил их прохладой и полумраком. Несколько столиков были заняты, остальные, накрытые темно-красными скатертями, поджидали новых посетителей, украшенные сверкающими тонкостенными бокалами и сложенными в виде вееров белоснежными салфетками.

– А здесь мило! И публика, как я вижу, спокойная, – сказала Глафира, выбирая столик. – Возможно, это тихое и уютное место располагало к тому, чтобы здесь собирались члены клуба, чтобы декламировать свои стихи.

– Да, в перерывах между поглощением устриц и пасты, – заметил Денис. – Давай сядем вон там, рядом с баром. Может, конечно, я чего-то и не понимаю, но мне всегда казалось, что поэты и писатели – люди небогатые, а потому, если они и бывали здесь, то лишь когда их приглашал кто-нибудь посостоятельнее.

– Имеешь в виду спонсоров?

– Ну да. Хотя я никак не могу понять, какой смысл этим спонсорам вкладывать свои деньги в доморощенных поэтов или писателей? Что им от этого? Просто душу греет?

– Денис, какой же ты циник!

Они уселись за столик, и Глафира принялась разворачивать салфетку. Словно специально в честь их прихода со своих мест поднялась целая группа людей и направилась к небольшой полукруглой сцене – это были оркестранты.

– О, да здесь живая музыка! – воскликнула Глафира. – Денис, ты вот спрашиваешь, какой смысл? Если разобраться, обыкновенному обывателю вообще непонятно – что такое стихи, для чего их пишут? Вроде бы набор слов с обязательной рифмой. Но что-то ведь в ней, думают они, в этой поэзии, есть такое, необыкновенное, что заставляет композиторов писать музыку на стихи, а самих поэтов возводить на олимп славы! Так что же такое стихи, Денис?

– Да ладно, это я так просто сказал. Я же понимаю, что в стихах не рифма главное...

– Что же?

– Думаю, стихи – это концентрат мысли, очень емкий, содержательный. Мало того что в стихах заложен смысл, который невозможно вложить в пространственном и временном смысле ни в одну прозаическую книгу, так еще эти слова и выстроены четко, в рифму! Короче, поэты – это небожители.

– Где-то я уже это слышала.

– Просто уму непостижимо, как можно вообще писать стихи! Это надо родиться умным человеком. Или быть сделанным из другого материала.

– Молодец! Вот из такого же небесного материала была сотворена и Люба Горохова. Понимаешь? Что же касается спонсоров, то для некоторых, не очень-то хорошо разбирающихся в искусстве людей, вложение денег в маленькие стихотворные сборники является способом просто обратить на себя внимание. Ведь автор на первой странице, как правило, выражает благодарность всем тем, кто помог ему в издании книги. И спонсор потом показывает эту книгу своим друзьям-приятелям, семье – мол, смотрите, я не просто директор хлебокомбината, я еще и меценат! Но это я так, к примеру. А есть и такие, которые как раз очень хорошо разбираются в поэзии, да только их жизнь сложилась таким образом, что они вместо того, чтобы посвящать себя стихам, занялись бизнесом, зарабатыванием денег. А потому им в радость помогать

своим друзьям – поэтам, писателям. Это уже высший пилотаж благотворительности. Вот так-то, Денис. Ты голоден? Официантка к нам идет, выбери что-нибудь.

Они заказали салат и рыбу.

– Закажи вино, не стесняйся. Я-то не могу, я за рулем, – сказала Глафира.

Пока они ждали заказ, Денис взял фотографию и отправился к бару. Бармен, которого Глафира знала, потому что он был приятелем Адама, просто не сводил с нее глаз. Наверняка при первом же удобном случае расскажет ему о том, что видел Глашу с парнем.

– Добрый вечер! – улыбнулся Денис бармену, хрупкому черноглазому пареньку в бело-снежной рубашке с короткими рукавами. Он энергично играл шейкером, смешивая коктейль. – Убита молодая женщина... – Он положил на стойку фотографию. – Она бывала здесь?

Бармен так растерялся, что чуть не уронил шейкер. Осторожно поставил его на стол и взял фотографию. Покачал головой.

– На месте преступления обнаружена зубочистка из вашего ресторана. Поэтому мы, собственно говоря, и пришли сюда.

Денис прочитал имя бармена на бейджике, прикрепленном к его рубашке: Никита.

– Так что, Никита, была она здесь, у вас?

Никита бросил беглый взгляд на Глафиру. Она, пристально следя за происходящим, едва заметным кивком головы поздоровалась с ним и прохладно улыбнулась.

– Это Люба Горохова, – сказал, возвращаясь к фотографии, Никита. Видно было, что он взволнован. – Конечно, она бывала у нас. И неоднократно. Она вообще любила здесь бывать.

– С кем? Что она здесь делала?

– Ну, во-первых, они собирались здесь в определенные дни... клуб литераторов. Странная публика, скажу сразу, шумные, громкие люди. Поэтому мы накрывали для них столы в самом углу, вон там, за пальмой. Чтобы они не мешали остальным посетителям.

– Что они делали? Читали стихи?

– Да. Стихи. И вообще много говорили, спорили, аплодировали друг другу, как в театре, знаете ли. Иногда приглашали музыкантов, барда одного я запомнил, еще одного скрипача, старого такого, седого, он виртуозно играл.

– Кто за все это платил?

– Северцев. Владимир Александрович.

– Он был знаком с Любой?

– Конечно! Я так понимаю, она была его протеже. Знаете, иногда бармену многое рассказывают. Так вот, и Северцев этот, поджидая ее здесь, называл ее богиней, ангелом. Он считал ее гениальной поэтессой.

– Как вы думаете, у них был роман?

– Уверен! Как ее убили? Кто?

– Когда вы видели ее здесь в последний раз?

– Да вот... Совсем недавно. В понедельник, четырнадцатого мая! Поздно вечером.

– Она была одна?

– Ну, да... До определенного момента.

– Расскажите подробнее.

– В тот вечер она, как мне показалось, была уже подшофе. Во всяком случае, она производила именно такое впечатление. Мне даже официант, Толик, шепнул, что она клеится к нему, плетет какую-то чушь и ей больше наливать не стоит.

– Она кого-то ждала?

– Да, она еще Толику сказала, что Владимир Александрович должен прийти, но что-то запаздывает.

– Скажите, какие чувства она у вас вызывала?

– Ну... Я-то не поэт и в поэзии не разбираюсь, но, если все говорят, что она гений, значит, я ее за это уважал. Хотя, когда она читала свои стихи, я тоже краем уха что-то слышал и мне это нравилось, но для меня это все сложно, понимаете? Это, как бы поточнее выразиться, очень тонкая материя. Любовь, философия... Сложные слова, все такое мудреное. А с другой стороны, если смотреть на нее как на женщину, то мне ее почему-то было жалко. Какая-то она была неприбранная, неприкаянная... Я даже мысленно пытался ее приодеть, она же ходила в каких-то балахонах летом или в вязаных платьях зимой. Какие-то кружавчики, цветные нитки, я не знаю... У нее были очень красивые волосы и глаза. Хотя глаза были скорее даже не просто красивые, а какие-то одухотворенные и печальные.

– Да вы тоже поэт, Никита, – улыбнулся Денис. – И что же, что было потом? Северцев появился?

– Нет, не появился, как ни странно. Хотя она явно его ждала. Пришел другой человек, ее знакомый, она, увидев его, очень обрадовалась его приходу.

– То есть эта встреча была для нее неожиданностью?

– Ну да, причем приятной неожиданностью! Она прямо засветилась вся.

– И что?

– Ничего. Попросила меня приготовить им по коктейлю.

– Что он за человек?

– Не знаю, как его зовут, у нас бывал всего несколько раз.

– Один?

– Раньше я видел его с приятелем, знаете, такие прожигатели жизни. У них на физиономии написано, что они – бичи. Может, сорвали где-то влегкую денег да и приехали сюда покутить. Не удивлюсь, если они вообще из провинции. Но все это – лишь мои предположения.

– И что, это он первый подсел к Любе?

– Не сразу. Он пришел один, подошел сюда, где вы сейчас стоите, заказал виски. Люба сама его окликнула.

– Она назвала его по имени?

– Нет, она просто позвала его как-то, я сейчас не помню, но точно не по имени. Может, сказала: «Привет!» или: «Салют, ты меня не узнаешь?» Он сразу обернулся, увидел ее, и по выражению его лица я понял, что они знакомы. Ну а потом я вспомнил, что как-то они были в одной компании. Он, его приятель, Люба и еще одна женщина.

– Что было потом?

– Он со своим виски подсел к ней, они недолго поговорили, мне показалось, что он чем-то расстроен. Люба же тоже была какая-то нервная и одновременно – веселая. Словом, они очень быстро ушли. Даже часа здесь не провели.

– Вы можете его описать? Составить его фоторобот?

– Без проблем.

– Тогда завтра позвоните вот по этому телефону, – и Денис протянул ему свою визитку. Он вернулся к Глафире.

– Ну что? Все узнал?

– Кажется, завтра утром у нас будет фоторобот убийцы! – просиял Денис.

11

Ему с трудом удавалось скрывать свое волнение. Ведь все то, что он рассказал о себе, было чистой правдой. Он и сам не мог понять, как это случилось, что он оказался в кухне с ножом в руках. Причем это был испанский охотничий нож, далеко не кухонный. Много раз он представлял себе, как подходит к офтальмологу сзади и вонзает ему нож прямо в спину. В спину, обтянутую принадлежащим Игорю махровым халатом, и как рыхлая белая ткань халата быстро намокает, напитывается алой кровью, а офтальмолог медленно опускается на пол, судорожно царапая пальцами стену.

Вот говорят – «состояние аффекта». Только тот, кто испытал это самое состояние, может понять Игоря и всех тех многочисленных убийц, не выдержавших нервного напряжения и потерявших контроль над своими чувствами. А еще всем этим убийцам знакомо сладкое чувство, которое они испытали, совершая то, чего не выполнить уже не было сил. Чувство удовлетворения от того, что они сотворили, лишив жизни ненавистного им человека.

Вероятно, незаметная грань отделяла в тот день и Игоря от того, чтобы не оказаться в числе настоящих, а не подсознательных убийц.

Удивительное дело, но он так же решительно представлял себе и убийство жены, которую воспринимал сейчас исключительно как совершенно чужого человека, поселившегося в его квартире, человека, поставившего перед собою цель: извести его, выдавить из своей жизни, из квартиры.

Как жалел он, что его неправильно воспитали, не научили драться, отстаивать свои позиции силой. Он многое умел, многое понимал, за исключением тех низких человеческих отношений, когда в ход пускают кулаки, ножи, прочее оружие. Ему всегда казалось, что люди тем и отличаются от животных, что всегда могут обо всем договориться. Однако если такие, как он, и были способны на этот способ увещевания, то другой сорт людей, к числу которых принадлежал офтальмолог (вроде бы доктор, интеллигент, мать его!), либо действительно ничего не понимали, либо делали вид, что не понимают. Мелкие бытовые подлости медленно, но верно убивали в Игоре Абросимове желание найти с этими людьми общий язык. Не было у них этого общего языка! С ним поступали грубо, цинично, при каждом удобном случае демонстрируя свое неуважительное к нему отношение. Что ж, господа, вам не место в этом мире...

Стоп.

Уф...

Он открыл глаза и понял, что спина офтальмолога ему все же приснилась. Это были не просто размышления с подсознательными картинками, а именно тревожный утренний кошмарный сон. И что лежит он сейчас в уютной постели своей новой «жены» – Валентины. Женщины чудесной, доброй и уж точно неспособной на такие низости, на которые оказалась способна его бывшая жена.

Конечно, он поначалу принял ее предложение исключительно как способ сбежать от самого себя, от готовившегося в его душе преступления, от тюрьмы, наконец. Потому что, убив офтальмолога и ненавистную ему женщину, которая раздражала его теперь одним своим существованием (не говоря уже о ее внешнем виде, походке, запахе, взгляде, манере одеваться, голосе, прическе, одежде), он никуда бы не сбежал. Напротив, сам бы вызвал полицию и рассказал им все, как было. Куда он наносил один удар, другой... Возможно, он был бы даже счастлив – в течение пары минут, сразу после совершенного преступления, – но только пару минут...

Но этого не произошло. Он вспомнил Валентину, ее задумчивый взгляд, плывущий поверх ресторанный дымок, ее беззащитную улыбку, когда она предложила ему пожить с ней

вместе, и решение пришло само собой. Да, безусловно, это – судьба, это – знак. Он должен немедленно отправиться к ней, подальше от города и его кровавых соблазнов.

В результате они провели вчера восхитительный день – рыбачили, готовили вместе ужин, смотрели фильмы (французскую мелодраму, американский боевик и советскую комедию), потом легли спать. Каждый – под свое одеяло.

С Валентиной было легко, как это ни странно. Он и сам не мог понять, откуда вдруг взялась эта легкость – вместо ожидаемой натянутости, неловкости. Вероятно, Валентина была «устроена» таким образом, что ее присутствие не только его не напрягало, а наоборот – вносило в их отношения, в общение какое-то особое тепло.

К своему стыду, он, вспоминая свои встречи с ней в служебной обстановке, нередко ловил себя на мысли, что, совсем не зная ее, как бы заранее жалел ее, такую некрасивую скучноватую женщину, предполагая, что окружают ее лишь крошечное одиночество и безысходность. Глядя на хорошенькую секретаршу Галочку, к примеру, трудно было предположить, что она одинока, и его нахальное воображение почему-то настойчиво рисовало ее в обществе мужчин, никак не иначе. А вот с Валентиной срабатывало психологическое и зрительное клише, рисующее кадры ее повседневной жизни: маленькая тихая кухня – и Валентина, закутанная в халат, обнимает ладонями большую кружку с дымящимся чаем.

И вдруг – такая перемена! Дорогой ресторан, Валентина в шикарном вечернем платье, ее испуганный и вместе с тем полный любви и страсти взгляд.

Получается, что он совсем не разбирается в людях. В женщинах.

...Он медленно повернул голову, чтобы увидеть ее лицо. Увидеть и понять, что он к ней испытывает, как ее воспринимает. Видит ли он ее такой же, как на работе, или же обнаружит в ней черты той, другой Валентины, которая предложила ему свою руку и сердце?

Оказалось, что ее в постели нет. Смятая подушка, скомканное, сбитое на самый край кровати, похожее на голубое облако одеяло.

Они договаривались спать под разными одеялами. Чтобы было не так страшно. Что было правильно. Но все получилось неправильно – с того самого момента, как погасла последняя ночная лампа. Эта упавшая на них темнота словно развязала им руки, и Игорь первый потянулся к ней, нащупал ее голову, обхватил ладонями, приблизился к ней и губами нашел ее губы... И оказалось, что у нее прелестный рот, будто бы созданный для поцелуев. Он жадно целовал ее губы, словно в любую минуту ему могли отказать в удовольствии целовать их. Потом он сорвал с нее «правильное» одеяло и накрыл ее своим, укутал, как куклу, и прижал к себе, не отрываясь от ее губ, а позже, бормоча что-то вроде: «Тот, кто придумал эти пижамы, должен за это ответить!» – принялся расстегивать маленькие гладкие пуговицы.

Ее теплое тело не приснилось ему. Он знал это точно, потому что где-то в середине их совместных безумств ему пришлось в голову включить лампу, и, когда вспыхнул свет, он увидел разметающуюся на постели, извивающуюся и постанывавшую, еще не успевшую остыть от его объятий прекрасную женщину. Новую для него женщину. Желанную женщину.

...Он встал, рывком раздвинул белые плотные занавески и впустил в комнату утреннее солнце. И улыбнулся, увидев в окне стоявшую возле калитки освещенную зелеными бликами Валентину, беседовавшую с какой-то женщиной. Приглядевшись, он понял, что она только что купила молоко. Женщины попрощались, и Валентина быстрым шагом направилась к дому.

Игорь вспомнил, что вечером она спросила его как бы мимоходом, любит ли он овсянку на молоке. Любит. Значит ли это, что она сейчас сварит для него кашу?

Какие простые понятия: завтрак, каша, молоко, утро... И как же давно он не испытывал счастья от таких простых и обыденных для большинства людей вещей? В его прошлой жизни

не было не то что овсянки, не было элементарной чашки кофе или чая утром. Да и жена, потеряв всякий стыд, уходя вечером, подчас возвращалась домой лишь на следующий день.

Он вернулся к кровати, сложил аккуратно одеяла, заправил постель, заглянул в примыкающую к спальне ванную комнату и сразу же нашел сухие чистые полотенца и купленный вчера специально для него черный халат.

Выйдя из ванной, он переоделся и спустился вниз. В кухне на самом деле пахло горячей овсянкой. И ему не надо было теперь уже ничего изображать. Он просто подошел к хлопотавшей у плиты Валентине (на ней было желтое домашнее платье), обнял ее и поцеловал:

– Доброе утро, Валя.

– Доброе утро, милый...

Боже, сколько счастья в ее взгляде!

Держа ее в объятиях, он вновь, как и ночью, почувствовал сильнейшее желание, но, не желая напугать ее или показаться чрезмерно сладострастным, позволил себе лишь часть того, что мог бы позволить, будучи ее настоящим супругом. Дневной свет отрезвлял его, сковывал, не давал расслабиться и подавлял влечение.

– Как спалось? – Валентина, как он почувствовал, тоже в обстановке утренней, залитой солнцем кухни испытывала примерно такие же чувства. Щеки ее пылали. Возможно, она стыдилась своей ночной дерзости и смелости.

– Я спал прекрасно. Но ужасно огорчился, когда не увидел тебя рядом, проснувшись.

– Если бы не соседка, которую я попросила с вечера принести мне молоко, я бы тоже еще поспала. Ну да ладно. Ты же не исчезнешь, не растворись в воздухе... – она подняла на него глаза, как бы спрашивая его об этом.

– Нет, что ты! Боюсь, что я останусь здесь навсегда... – улыбнулся он, еще не зная, имел ли он право так сказать и не выглядит ли это вульгарно, преждевременно.

– Вот и хорошо. Значит, у нас еще много времени, и, за исключением рабочих дней, в выходные мы можем себе позволить спать хоть до обеда! Ты ешь, Игорь, ешь, пока каша горячая. Вот сахар, масло, ложка.

Она засуетилась, заметалась по кухне, подошла к подоконнику, схватила белую керамическую вазу с ромашками, сменила в ней воду, поставила ее на место. И вдруг задержалась возле окна, всматриваясь куда-то. И на какой-то миг словно окаменела. Глубоко вздохнула и резко отвернулась от окна.

– Что случилось? Ты кого-то увидела?

– Ой, да нет, что ты! – Голос ее звучал неестественно и дрожал. – Ну, кого я здесь могу увидеть? Здесь тихое место...

– Почему ты не завтракаешь?

– Да-да, я сейчас.

Она положила в свою тарелку кашу, села напротив Игоря.

– Ты такой красивый, – сказала она, и глаза ее увлажнились. Она была счастлива, он чувствовал это.

Он же едва сдерживался, чтобы не посадить ее к себе на колени.

– Скажи, Игорь... – она переводила взгляд с одного предмета на другой, но не смотрела ему в глаза. – Скажи... Люди... нормальные люди, неиспорченные... они могут между собою договориться?

– О чем?

– Даже не знаю, как сказать... Ну, о верности. О преданности. Вот просто решить раз и навсегда, что они теперь будут жить друг для друга – и все. И чтобы никто друг в друге не сомневался?

– Думаю, да.

– А ты со своей бывшей женой... не договаривался?

– Нет.

– Давай мы с тобой... С тобой... решим раз и навсегда, что будем вместе, не предадим друг друга. Я знаю, ты – хороший человек, я всегда буду тебя любить... Игорь... Если бы ты только знал, как же я боюсь теперь потерять тебя...

– Успокойся, Валентина, – он протянул руку и прижал ее руку к столу, стиснул ее пальцы. – Я буду с тобой. Все хорошо.

– Ты боишься загадывать наперед?

– Я ничего не боюсь. Кроме самого себя. Ты знаешь. Мы с тобой вчера об этом говорили.

– А если ты вдруг узнаешь обо мне что-то такое... Вернее, если кто-то попытается уверить тебя в том, что я совсем не такая, какой ты меня считаешь... Ты ему поверишь?

– Нет, я никому не поверю. А что? В чем дело? Что тебя беспокоит?

– Нет-нет, ничего... просто я так счастлива, что мне страшно...

– Каша очень вкусная.

– Что?

– Я говорю, иди ко мне, сюда... – Он не отпускал ее руку до тех пор, пока она не встала и не подошла к нему. Он усадил ее к себе на колени. Обнял кольцом рук. И вдруг, вспомнив, спросил: – Мне приснилось или ты в самом деле ночью плакала?

12

Ранним утром они собрались у Лизы в кабинете. Денис, нисколько не смущаясь своими новыми обязанностями, приготовил кофе, принес и расставил чашки перед Мирошкиным, Лизой и Глафирой. Сейчас, когда Лиза уже была в курсе их с Глашей вечерних ресторанных приключений и, главное, оценила их инициативу по достоинству, гордость его так и распирает.

– Ну что ж, давайте работать, – загадочно улыбнулась Мирошкину Лиза.

– Лиза, у тебя глаза блестят так, словно ты уже нашла убийцу Гороховой, – сказал Сергей.

– Денис отвез важного свидетеля, бармена из ресторана «Милан», в прокуратуру, где он попытается составить фоторобот убийцы.

– И кто же он такой?

– Человек, с которым Люба была в ресторане гостиницы «Милан» в день своей смерти. Бармен, Никита, хорошо его запомнил. Они вместе вышли из ресторана, и больше Любу уже никто не видел.

– Отлично. У меня тоже есть кое-что. Значит, так. В крови жертвы обнаружен алкоголь, много алкоголя. Два с половиной промилле!

– Ба, да это же почти целая бутылка водки! – воскликнула потрясенная Лиза. Ей было неприятно услышать такое о «своей» поэтессе.

– Возможно, она просто напилась, понимаешь? Мы же не знаем, как и чем она жила последние дни, что ее мучило? Вот и пришла девушка в ресторан специально для того, чтобы расслабиться... – предположил Мирошкин.

– Она пришла туда не просто так, – сказала Глафира. – У нее была назначена встреча с Северцевым. Во всяком случае, она сказала об этом официанту Толику. Однако Владимир Александрович не пришел, Люба заскучала, ей явно требовалась компания, и тогда она сама окликнула своего старого знакомого... Денис, расскажи, как все было.

Денис охотно пересказал им свой разговор с барменом Никитой.

– Вы хорошо поработали! – сказал Мирошкин. – Вернемся к результатам экспертизы. Наша поэтесса была не совсем здорова, у нее была начальная стадия цирроза, больной желудок... Есть и еще кое-что, что вас, возможно, удивит. Вы вот тут говорили, что ее постоянно окружали мужчины, что она была, по сути, центром мужской компании, люди ночевали у нее дома. Однако спросите Геру: нарушение девственности произошло незадолго до ее смерти...

– Ты хочешь сказать, что ее изнасиловали?

– Нет, я этого не говорил. Возможно, это был обыкновенный половой контакт, но – первый в ее жизни! И не в день смерти, а незадолго до этого. В день смерти она ни с кем в половой контакт не вступала.

– Так вот почему она решила напиться! – предположила Глафира. – Решила отметить это событие... Сколько ей было лет?

– Полных двадцать девять, – ответил Мирошкин, заглянув в документы.

– Да уж, по нынешним временам она «продержалась» очень долго. Особенно если учесть ее образ жизни. Уверена, что никто из всех тех, с кем она общалась, не был посвящен в ее тайну...

– ...и все считали Северцева ее любовником! – заметил Денис.

– А может, ее первым мужчиной как раз и стал Северцев?!

– Возможно, и он, – сказала Лиза. – Ты же помнишь, она недавно вернулась из Парижа, а весь этот конкурс был организован и проплачен именно им.

– Хочешь сказать, что ее меценат потребовал расплаты за все хорошее, что он для нее сделал?

– Почему бы и нет? Хорошо, что у нас еще, Сережа?

– Ну, как мы и предполагали в самом начале, смерть жертвы наступила от травм головы, несовместимых с жизнью. По голове ее били половинкой кирпича, его нашли рядом с трупом, на ней имеются следы крови, по групповой принадлежности совпадающей с кровью Гороховой, а прочие удары убийца наносил кулаками. На момент смерти желудок ее был практически пуст.

– Что и подтверждается, кстати, барменом, – сказал Денис. – Она ничего, кроме выпивки, в день, вернее, в вечер своей смерти не заказывала.

– За сутки до смерти – примерно – она ела зеленый виноград и персики, – продолжил Сергей.

– Возможно, этим виноградом ее и угощал тот самый мужчина, который... – вздохнула Лиза.

– Северцев? – одновременно произнесли Глафира и Денис.

– Веревка, которой ее привязали к стулу, была старой, хлопчатобумажной, грязной... – продолжил Мирошкин. – Предполагаю, что веревка валялась в багажнике машины, на которой ее привезли на Аткарскую, к дому, где имеется подвал.

– То есть веревку никто заранее не покупал, – принялась развивать свою мысль Лиза, – иначе она была бы новой... Хотя, это, конечно, тоже не факт. Но пока что вырисовывается следующая картина. Мужчина, он же водитель автомобиля, на котором он привез Любу... Постойте, а с чего это я решила, что он приехал туда на своей машине? А вдруг это было такси?! Денис, срочно звони бармену Никите и попытайся узнать от него, на чем эта парочка уехала из ресторана! Если нужно, пусть он свяжется со швейцаром или охранником, гардеробщиком, может, кто-то их видел?

Денис тотчас позвонил Никите, и через несколько минут бармен перезвонил ему. По лицу Дениса стало ясно, что цель достигнута.

– Значит, так, – сказал он, возбужденно и радостно. – Есть свидетели, которые могут подтвердить, что Горохова уехала вместе со своим приятелем на такси! Больше того: они знают и самого таксиста, он частенько дежурит возле ресторана, его зовут Юра. Думаю, найти его будет легко.

– Отличная работа, Денис, – подмигнул ему Мирошкин, которому Денис и был обязан тем, что тот познакомил его с Лизой.

– Вот и займись этим таксистом, – сказала Лиза. – Бери машину и поезжай.

Денис тотчас бросился выполнять поручение.

– Хороший парень, а? – сказал Мирошкин. – Не зря я его заприметил.

– Хороший-то он хороший, – сказала Лиза, – да только трудно ему будет с нами, юристами! Он еще совсем неиспорченный, принципиальный, смотрит на этот мир чистым, незамутненным взглядом. Так не хочется, чтобы он превратился в циника, как мы с Глашей, к примеру! Ладно. Мы отвлеклись от веревки. Значит, машина не принадлежала тому мужику. И веревку соответственно не взяли, как мы ранее предполагали, из багажника машины. Но трудно себе представить, чтобы он заявился в ресторан с мотком грязной веревки в кармане! К тому же не факт, что он знал, что там будет Люба. Он мог встретить ее там случайно.

– Бармен сказал, что она сама окликнула его. А если бы не окликнула? Или, к примеру, если бы Северцев пришел?

– Вот чувствует мое сердце, что это убийство не было запланированным, – сказал Мирошкин.

– Думаешь, на месте Любы могла оказаться другая женщина?

– Не знаю. Но история в самом деле странная!

– Что с отпечатками на кирпиче? А следы в подвале? Кому они принадлежат?

– Отпечатки сняли, пробили по базе – у нас этот человек нигде не засветился. Следы обуви также имеются, да только с чем их сравнивать?

– Ну вот, составит Никита фоторобот, найдем мы этого ресторанного приятеля Любы, тогда и будет с чем, вернее с кем, сравнивать.

– Уверен, что этот гад уже смылся из города.

– Возможно. А что с Тайлером? Что-нибудь удалось выяснить?

– Да. Ну, во-первых, никакой официальной информации об ограблении его перевозчика ни в прокуратуре, ни в полиции нет.

– Так я и предполагала.

– О самом Тайлере тоже ничего не удалось выяснить. Разве что один человек намекнул мне, что из-за него пришлось уволиться одному моему хорошему знакомому – Лене Тарасову.

– Лене? Да я его отлично знаю! Он что, уволился?

– Мне сказали, что вроде бы он занимался Тайлером, все пытался кому-то что-то доказать...

– Что именно?

– Лиза, не гони!

– Так что с Леной-то?

– Говорю же – имя Тайлера всплыло, когда Леня распутывал одно дело, связанное с производством синтетических наркотиков. И как только он нащупал, как ему казалось, след и тот привел его к Тайлеру, так Лене сразу же, просто моментально, поручили вести другое дело, в котором ему отводилась роль подсадной утки. Словом, кто-то очень постарался, чтобы у самого Лени в кармане оказался героин. Ну а дальше – сама понимаешь...

– На него не стали заводить дело с условием, что он уволится? Сережа, когда это закончится?! И какая грубая работа! Да сейчас любой молодой опер или помощник следователя, даже сразу после студенческой скамьи, вроде нашего Дениса, догадается, что дело против Лени Тарасова сфабриковано и что Тайлер – центральная фигура в рамках местного наркопроизводства. А если этот принципиальный и «зеленый» человек копнет поглубже, он выяснит, что нити тянутся на самый верх. И тогда жди беды! Знаешь, когда начинаешь думать об этом, лишний раз перекрестишься: хорошо, что такого чистого парня, как Денис, я взяла к себе под крыло.

– Да, это верно. Денис, как и Леня, пошел бы до конца, да только ему досталось бы по полной программе. Если Лене удалось избежать самого страшного, то...

– Ладно, Сережа, давай вернется к нашему делу. Значит, Тайлер по уши в дерьме. И его жена, понимая это (вот что значит женская интуиция!), обращается за помощью ко мне, предупредив, что я должна обо всем этом молчать. Причем, не догадываясь, конечно, что в это же самое время Тайлер обратился за помощью к моему мужу...

– К Гурьеву?! Ничего себе! – воскликнул Мирошкин. – Да у вас, как я посмотрю, семейный бизнес поставлен на широкую ногу!

– Нет-нет, я – пас. Я не буду заниматься делом Тайлера. Это слишком опасно! Ирина просила меня узнать лишь одно: заявил ли об ограблении ее муж в полицию или нет? Вот я ей и отвечаю: мол, нет, не заявил.

– Лиза, ты такая наивная! – всплеснула руками Глафира.

– Вот и я тоже хотел сказать... – поддержал ее Сергей. – Неужели ты думаешь, что она на самом деле хотела выяснить у тебя, не обращался ли ее муж в официальные органы, и все? Да чушь это полная! Думаю, она навела о тебе справки, выяснила, кто ты и чем занимаешься, и теперь спит и видит, как ты найдешь этих двух гаишников, укравших у ее мужа миллион евро!

– Вы действительно считаете, что я полная дура и ничего не понимаю? – Лиза выглядела окончательно расстроенной. Разговор с мужем не прошел для нее даром. – Нет-нет, пусть уж этим занимается Гурьев, он же у нас профессионал, а я – так... И, пожалуйста, если вы меня

хотя бы немного уважаете, давайте прекратим разговор на эту тему! Кажется, мы собирались поехать на квартиру Гороховой?

Квартира Любы Гороховой располагалась на первом этаже двухэтажного старого особняка, стоявшего на тихой, недлинной, ловко затесавшейся среди основных центральных транспортных артерий города улице Пушкина. Эта улица всегда была темной из-за густо посаженных еще в начале прошлого века лип и кленов, и большая часть ее жителей уже давно продала свои дома под офисы. Люди эти переехали в более современные, хотя и расположенные дальше от центра благоустроенные квартиры.

Многие дома были отреставрированы новыми владельцами и напоминали своими нежными бледно-зелеными и желтыми расцветками бисквитные торты.

Дома эти в некоторых местах соединялись низкими темными арками, внутри которых и находились обитые – как правило, дерматином – двери. Такая же мрачная и тяжелая с виду дверь с табличкой под номером три вела в квартиру Любы.

Лиза достала ключ и вдруг обратилась к Глаше и Сергею:

– Послушайте! А вы не заметили ничего особенного? Смотрите, – она выглянула из арки на улицу, – вокруг Любиного дома все выкупили, отремонтировали... А что, если ее убили именно из-за этой квартиры? Приставили к горлу нож там, в подвале, и заставили ее подписать бумаги, ну, то есть собирались отнять у нее эту квартиру под офис? Знаете же такие истории.

– Да ей бы и угроз хватило, – заметила Глафира. – Тебе же ее мать сама говорила, что Люба боялась боли. Стоило ее пару раз ударить по лицу, и она бы все на свете бумаги подписала.

– Да? Ну, ладно. Вы же понимаете, версий-то может быть много. И эта – лишь одна из них. Лиза открыла дверь, и они вошли в квартиру.

Маленькая прихожая, одновременно бывшая и кухней, заканчивалась деревянной, выкрашенной в белый цвет застекленной дверью, ведущей в гостиную.

– Послушайте, тут такая вонь стоит! – сказала Глафира. – Чувствуется, что здесь жил курящий человек. Все пропитано застарелым запахом табака. Смотрите, полная раковина грязной посуды. Пепельница, из которой забыли вытряхнуть окурки.

– Да уж, – Лиза, морщась, осматривала кухню.

– Стоп! – вдруг остановил их своим возгласом Мирошкин, замерев на пороге. – Ну ничего себе! Лиза, у нас труп.

Решив, что ничего страшного не произойдет, если они все-таки войдут в комнату, он позволил женщинам пройти дальше.

Большая комната с прокуренными насквозь стенами и потолком, в углу – белая, обложенная белой плиткой газовая печка. На окнах – некогда белые, а сейчас – кремового, грязного цвета занавески. В центре комнаты – круглый стол, покрытый толстой гобеленовой скатертью, на нем – грязная посуда с остатками пиршества. Вот откуда пованивало прокисшими салатами и протухшей рыбой. Не менее отвратительный и ядовитый, очень характерный дух исходил и от распростертого на полу, на вытертом красном шерстяном ковре, труп мужчины в сером костюме. Он лежал лицом вниз. Седая шевелюра выдавала его солидный возраст.

– Неужели Северцев?! – проговорила Лиза. – Я хоть никогда и не видела его, но сразу почему-то подумала, что это он.

– Ни крови, ни иных следов убийства... Я имею в виду – он не застрелен, не зарезан, крови-то нигде не видно.

Глафира обошла труп, нагнулась, заглянула в лицо покойнику.

– У него на губах что-то... Может, рвота...

– Вот что, дорогие мои, я должен срочно позвонить и вызывать наших. Вот вам и Люба Горохова! Значит, пока она поджидала своего друга-мецената в ресторане, он в это самое время находился у нее дома?

– Судя по количеству тарелок, за столом пировало пятеро человек. Все пили-ели... Водка была дорогая, хорошая, вино французское, да и закуска тоже солидная. Я обратила внимание еще там, в кухне, на упаковки и коробки из-под рыбных и мясных консервов. Плюс дорогой балык, ветчина, сыр. Даже копченый угорь! Смотрите, вот, несколько кусков осталось. Икра! – перечисляла Лиза.

Глафира прошла по комнате, остановилась возле письменного стола, на котором, помимо механической машинки «Robotron», высились кипы пухлых папок, стопки бумаги с печатным текстом, какие-то блокноты, записные книжки и разнокалиберные, в большинстве своем самиздатовские, поэтические сборники. Среди всего этого богатства она заметила и пузырек замазки, «штриха», точно такого же, какой обнаружили на месте убийства Гороховой.

– Здесь еще дверь, – сказала Лиза, обойдя стол и толкая дверь, ведущую, судя по всему, в спальню хозяйки.

Распахнув ее, она замерла на пороге. Толстые красные занавески едва пропускали утреннее солнце, окрасившее все предметы в комнате в кроваво-вишневые тона. В том числе и широкую неприбранную кровать с ночной сорочкой на подушке, и лежавшего рядом с кроватью на ковре мужчину в джинсах и белом (но казавшемся розовым) свитере.

– Сережа, иди сюда, здесь еще один труп!

13

Все получилось. Ее план сработал. И в это просто не верилось! Она чувствовала себя настоящим победителем. И эту победу она одержала над собой, вот что было ценно!

Получается, что известная формула жизни, следовать которой она не имела возможности до определенного момента, на самом деле меняет человека, делает его сильнее, смелее и развязывает ему руки.

В тот момент, когда там, в ресторане, Игорь Абросимов спросил ее – и не из праздного любопытства, – не больна ли она, он увидел в ее поведении отчаяние смертельно больного человека. Как будто она перед смертью, зная, что скоро ее не станет, решила попробовать счастье на вкус.

Да, она была счастлива – безмерно – и старалась не думать о том, что может последовать потом, когда все откроется. Какотреагирует он на ее признание в том, что она совершила? Поймет ли ее? Останется ли с ней или, разочаровавшись в ней, уйдет, даже не оглянувшись?

Первое ее утро на работе в качестве его тайной жены было незабываемым. У нее все получалось, появилась неслыханная работоспособность, а энергию просто некуда было девать! Словно ее организм обогатился еще одной кровеносной системой, и теперь новая живая кровь разливалась в ней, придавая новые силы.

Да и внешне она сильно изменилась, об этом не преминули сказать ей в форме туманных и довольно-таки скупых комплиментов ее коллеги по работе. Все случилось как в сказке, как будто ей волшебным образом изменили внешность, сделали ее настоящей красавицей.

И все же самым приятным в этом новом для нее качестве были мечты о проведенном вместе с Игорем вечере. Об их совместном ужине, о том простом человеческом общении, которого ей так не хватало всю жизнь. О мужчине, которого она любила без памяти и который отвечал ей взаимностью!

Однако в ее жизни появилось и еще кое-что, о чем она не имела права забывать. И, пока еще смутно представляя себе, как она проявит себя в новой роли, буквально через неделю после случившегося Валентина, купив игрушек и сладостей, отправилась по известному ей адресу – в дом малютки. Встретилась с директором в ее уютном, зеленом от растений кабинете и сказала, что хотела бы удочерить девочку трех лет.

Она точно знала, что Ларочка находится здесь, вот только выдать себя побоялась. Решила, что встретится со всеми девочками этого возраста, и счастье, если среди них окажется та самая, которая ее интересует.

Директор, Людмила Сергеевна, сказала, что было бы неплохо, конечно, подготовить девочек, но потом, что-то решив про себя, заявила: может, даже и хорошо, что так получилось и Валентина пришла неожиданно, без предупреждения. Пока она может просто поприусловствовать в игровой комнате, посмотреть на детей. Возможно, директриса, увидев в посетительнице потенциальную «мамочку» (от которой можно получить и скромные комиссионные за быстро и успешно провернутое дело), отложила на потом важный разговор о самой сути происходящего: зачем этой даме нужен ребенок?

Игровая комната, устланная большим цветным ковром и заставленная по периметру низкими, выкрашенными в веселый желтый цвет стеллажами, была наполнена звуками голосов. Три огромных окна, пропускавшие много солнца, создавали иллюзию прозрачной стены комнаты, за которой в свете погожего денька расцветали пышные розовые и темно-бордовые пионы на газонах.

Маленькие дети, чей возраст Валентина в силу отсутствия жизненного опыта не могла определить, играли в большие цветные кубики, сооружая из них неправильной формы шаткие башни, и тут же, с видом самоубийц-сомнамбул, разрушали их; мальчики в одинаковых беленьких футболках и синих шортиках «ездили» на маленьких машинах, самостоятельно и самозабвенно подражая реву моторов; девочки в летних светлых платьицах тискали в пухлых ручках растрепанных кукол разных мастей, плюшевых мишек и жирафов. Валентина, устроившись на стуле в самом углу, чтобы не отвлекать детей, наблюдая за этими маленькими человечками, думала: какое счастье – они пока что не осознали, что их родители, по разным причинам, искорежили их молодые судьбы. И радость от игры, их улыбки и смех, выглядевшие со стороны настоящим детским счастьем, они на самом деле испытывают по инерции, от природы, но никак не осмысленно, как это бывает в настоящих семьях, где дети купаются в любви, заботе и нежности родителей.

Через какое-то время, прогнав ее воспоминания и помешав ее спокойному созерцанию детей, появилась Людмила Сергеевна. Показывая взглядом на ту или другую девочку, она шептала на ухо Валентине меткие и, в общем-то, вполне обнадеживающие характеристики. Это говорило о том, что эта женщина по-настоящему любит детей и успевает ко многим привязываться лично, по-женски, по-матерински, а потому желает им только добра. Так, во всяком случае, Валентине хотелось думать.

Назывались имена девочек и, автоматом, их фамилии. Сашенька Кравченко, Любочка Ванеева, Светочка Губина...

Когда Валентина услышала долгожданное – Ларочка Желткова, она вздрогнула, словно придумала эту девочку, а оказалось, что она существует в реальности.

Очень худенький ребенок, с коротко стриженными белыми волосиками и большими умными голубыми глазами. Она была похожа на неразвитый бутон маленькой женщины.

– Какая хорошенькая, – прошептала Валентина, теперь уже с совершенно новым чувством рассматривая Ларочку. На ней было белое, в синюю крапинку платье, под которым угадывалось тоненькое белое тельце. – А можно с ней поговорить?

– Конечно, поговорите. Девочка развитая, смышленная. Правда, есть вероятность, что ее захочет удочерить ее тетя.

– Что?! Как это?!

– Ларочка у нас недавно осиротела, – Людмила Сергеевна погладила девочку по голове. – Иди, Ларочка, к детям, поиграй... Так вот. Ее мать, молодая еще женщина, которая воспитывала ее одна, без мужа, не так давно попала в аварию и погибла. Девочка поступила к нам прямо из пятидневки, куда мать устроила дочь, поскольку она работала. Мы все это время ждали, когда же объявятся родственники.

Директриса перешла на доверительный шепот. Она села так близко к Валентине, что та почувствовала горьковатый запах ее духов и немолодого уже тела с кислинкой пота.

– Совсем молодая еще особа, Катя, к тому же нельзя сказать, что она прямо-таки горит желанием удочерить племянницу. Она честно и откровенно рассказала мне о том, как неожиданно стала наследницей квартиры покойной сестры, и теперь вроде бы родственники Ларочкиной мамы – кстати, ее звали Виктория Желткова – давят на эту Катю, вызывают к ее родственным чувствам и почти что требуют, чтобы она взяла Ларочку к себе. Но я-то очень хорошо понимаю Катю: она, с одной стороны, жалеет Ларочку, все-таки племянка, но с другой – она же не замужем, бедненькая такая, простенькая... Ей бы найти хорошего мужа, а потом уже думать о родственниках. Вы уж извините, что я так запросто разговариваю с вами, но просто мне хочется, чтобы вы поняли: в данном отдельном случае я на вашей стороне, вернее, на стороне девочки... Понятное дело, я мало знаю о вас.

– Я скоро выйду замуж. Мы с моим женихом сейчас живем в большом загородном доме, и в нем есть все, кроме детей. В случае, если мы решим взять ребенка к себе, мы без труда

соберем все необходимые документы. Что же касается материальной стороны, то с этим у нас все в полном порядке!

Она и сама не знала, как эти слова, словно помимо ее воли, буквально полились из нее. Словно кто-то внутри нее, кто-то очень умный и ответственный, разозлившись на Валентину за то, что она в последнее время творила, решил вернуть ее в реальную жизнь и напомнить о том, что, помимо грандиозного счастья, внезапно обрушившегося на ее голову, существует еще и беда, в лапы которой попала и эта маленькая девочка, с которой она, Валентина, теперь связана какими-то невидимыми нитями. И это при том, что никакой конкретной вины на самом деле у нее перед этой девочкой нет! И этот ее визит в дом малютки – лишь желание увидеть девочку и понять, что она реально может для нее сделать.

Удочерить Ларочку?! А что она скажет, к примеру, той же Кате, сестре Желтковой, когда возникнет вопрос, кому же действительно можно отдать девочку? Хотя зачем ей что-то говорить, объяснять... Ведь Валентина – просто одна из тех одиноких бездетных женщин, которые только и мечтают о том, чтобы в их доме звучал детский смех.

Она вдруг отчетливо представила себе выражение лица Игоря, когда она сообщит ему о своем желании удочерить девочку. Да любой на его месте подумает, что все, случившееся с ними, она организовала исключительно с целью женить его на себе, чтобы потом оформить удочерение!

Нет, она не может так рисковать. Это настоящее безумие! И она не хочет потерять этого прекрасного мужчину, доверившегося ей, ради того, чтобы помочь маленькой и совершенно чужой ей девочке. К тому же теперь, когда Валя знает о существовании сестры Виктории Желтковой, ей сам бог велел забыть дорогу в дом малютки. Все: она разобралась, что к чему, и исчезла, как исчезают многие люди, переоценившие свое желание стать родителями. Не она первая, не она последняя.

И вообще, а не пора ли ей остановиться в своих странных поступках?!

Она вышла из дома малютки мокрая как мышь. Сердце колотилось со страшной силой. Зачем она в последний момент обнадежила эту женщину, сказав, что позвонит ей, что очень скоро примет окончательное решение?! А кто ее за язык тянул, когда она пообещала Людмиле Сергеевне, что позвонит Кате и попытается объяснить ей: Ларочке, мол, будет гораздо лучше в их семье, чем если она станет обузой для тетки, которой нужно в первую очередь подумать об устройстве своей личной жизни?

В машине она первым делом достала пачку влажных салфеток и промокнула пылавшее лицо. Протерла шею, руки. И угораздило же ее приехать сюда!

Ей нужно подумать о других вещах. О собственной безопасности, во всяком случае. Любовь – это, конечно, хорошо, но ей пора уже прийти в себя и задуматься о том, чем вся эта история может для нее закончиться. В последнее время она жила, стараясь ни о чем не думать. Просто – жила, дышала, спала, целовалась, обнималась, что-то ела, смотрела телевизор, работала, сажала цветы, готовила еду, гладила мужские рубашки... И никто не знает, когда именно случится то самое, чего ей положено бояться и что страшным ураганом сметет ее такое короткое и хрупкое счастье...

Назойливая мысль, что мужчина, которого она замечала – видела в течение двух дней в бинокль, – ошивается здесь, поблизости, не случайно, беспокоила ее.

Кто он такой? Зачем он сидит на поваленном дереве напротив ее дома, в ивовых кустах, и беспрестанно курит? Лица его почти не видно. Черная бейсболка плотно надвинута на лоб. Может, он просто алкоголик, запутавшийся в жизни человек, который просто не знает, куда

ему идти и что делать? Или же наводчик, следит за всей их улицей, записывая в хронологическом порядке время перемещения хозяев богатых особняков, изучая их привычки, чтобы потом передать эту информацию своим друзьям-ворам?

Она чувствовала его взгляд, выходя из машины и собираясь открыть ворота. Игорь сказал, что на днях приедет мастер, установит дистанционное управление воротами. Он вчера целый вечер выбирал по Интернету фирму, занимающуюся подобными вещами, консультировался у друзей, какие электроприводы, итальянские или немецкие, поставить, и при этом радовался как ребенок!

Почему она до сих пор не побеспокоилась об их безопасности? Почему на калитке простой механический засов, в сущности, как и на воротах? Хорошо еще, что, когда они ложатся спать, Игорь, человек серьезный и ответственный, лично проверяет, заперты ли все окна и двери. Но днем в дом может войти кто угодно. Беспрепятственно.

Она подошла к калитке, открыла ее, вошла во двор и распахнула ворота, вернулась к машине и аккуратно поставила ее в расположенный сбоку от площадки гараж. Сегодня она приехала домой раньше Игоря, значит, свою машину он оставит под навесом.

Надо было готовить ужин, торопиться, но Валентина все еще сидела в машине, в темном гараже, и в который уже раз спрашивала себя: как ей себя вести, что делать, открыться ли, довериться ли Игорю, или же наоборот: хранить свою тайну в надежде, что опасность не коснется ее и все ее переживания останутся лишь переживаниями и никакого страшного будущего не будет?

Вдруг она услышала характерный металлический, довольно-таки громкий щелчок – так открывается калитка. Она быстро вышла из машины и приблизилась к гаражным воротам, прижалась к стене и замерла.

Во двор кто-то вошел. И тоже, если судить по звукам, похоже, остановился в нерешительности.

– Эй, хозяйка! – услышала она знакомый женский голос и облегченно вздохнула. Это была соседка Тоня, у которой она покупала молоко.

– Да-да, я здесь! – ответила она и вышла из своего укрытия. Предзакатное солнце своим загадочным розовым сиянием залило двор и окрестности. И даже соседка казалась розово-сиреневой, какой-то призрачной.

– Валя, я тебе что сказать-то хочу...

Женщина приблизилась к Валентине и сказала ей на ухо, словно ее могли подслушать:

– Твоим домом интересовались!

– Кто?!

– Да мужик один. Спросил меня, я как раз мимо проходила, не продается ли дом, вроде недавно он был выставлен на продажу...

– Да? И что же ты ему ответила?

– Я сказала, что дом не продается, там хозяйка живут, давно уже. Я уж не стала рассказывать первому встречному, что это дом твоей подруги, что она уехала... навсегда.

– Тсс! – Валентина почувствовала, как волосы на ее голове сами собой зашевелились. – Ни слова, прошу тебя, Тоня! Это случайно не тот мужичок тебя расспрашивал, который вот уже пару дней как устроил наблюдательный пункт напротив моего дома?

– Да, он в черной бейсболке, подозрительного облика...

– Думаю, он вынюхивает, чем бы ему здесь поживиться. Надо бы все-таки нам собраться нанять охрану, как ты думаешь?

– Разговоры такие идут, председатель нашего товарищества обещал собрание по этому поводу устроить. В соседнем товариществе вон зимой два коттеджа ограбили.

– Да-да, я слышала. Конечно, надо что-то решать. Лучше уж заплатить, чтобы такие подозрительные типы тут не околачивались...

Она не успела договорить: послышался звонок. Женщины вздрогнули, калитка отворилась, и во двор вошел тот самый мужчина в черной бейсболке.

– Добрый вечер, – хмуро поздоровался он. – Вы извините меня... Но я ищу одну женщину. Она жила в этом доме. Ее звали...

– Теперь здесь живу я, – дрожащим голосом проговорила перепуганная насмерть Валентина, подходя к мужчине и пытаясь угадать, что он еще сейчас скажет. Меньше всего ей бы хотелось, чтобы их разговор услышала Тоня. – Понимаете?

– А где она?

– Уехала. Вышла замуж и уехала.

– А адреса она вам не оставила?

– Может, и оставила, да только я не имею права вам его давать. Надеюсь, это вам понятно?

– Ну, ладно... А то я все смотрю-смотрю, сначала думал, что вы – это она... Ладно, извините. Но я все равно ее найду, можете ей так и передать, если встретите.

– Я не встречу ее, она слишком далеко уехала. Всего хорошего!

Антонина, вдруг осознав, что опасность миновала и этот мужчина все-таки не вор, внезапно набросилась на него:

– А я все смотрю, ходит посторонний, все высматривает-вынюхивает! Я же еще вчера вам сказала, что здесь живут другие люди! Идите отсюда, идите, а то я полицию вызову!

Он ушел, даже не огрызнувшись, не разозлившись на слова соседки – напротив, выглядел каким-то пришибленным, расстроенным. Валентина видела, как он понуриив голову двинулся вдоль дороги в сторону автобусной остановки.

Валентина, с трудом избавившись от словоохотливой и не в меру любопытной соседки, бросилась в дом. Ей надо было успеть к приходу Игоря приготовить ужин.

14

Дениса распирало от гордости за самого себя. Он ехал к Лизе с таким богатым уловом, что был уверен – теперь-то она его точно оценит и поймет: от него есть реальный толк, и будет лучше, если он это лето проведет все-таки в ее конторе, нежели разбирая бумаги в прокуратуре!

Позвонив Лизе и выяснив, где ее можно найти, он в час дня подрулил к дому Любви Гороховой. Он очень хорошо знал этот район, потому что неподалеку от этого места находилась знаменитая кондитерская «Эклер», где он тратил все свои первые заработанные у Лизы деньги, чтобы накормить мать всеми сортами пирожных. И, поскольку он знал, что Лиза в компании Мирошкина и Глафиры отправилась на улицу Пушкина примерно в девять утра, он решил: пока эксперты работают на квартире Гороховой, вся эта троица поджидает конца их работы, поедая ромовые бабы и запивая их фирменным апельсиновым чаем.

Он очень удивился, когда, подъехав по нужному адресу, увидел у дома, помимо прокурорских и полицейских машин, еще и труповозку.

Первой он заметил Глафиру. Она стояла под деревом и с кем-то разговаривала по телефону. Он подошел к ней, и она сразу же прекратила разговор.

– Глафира, что здесь произошло?! Откуда труповозка?!

– А, Денис, привет! Ты же ничего не знаешь... В квартире – два трупа. Один, предположительно, Северцев, а вот личность второго пока что неизвестна.

– Ничего себе! А где Лиза?

– Они с Мирошкиным там, внутри, работают, а я вышла, чтобы позвонить домой, узнать, как там дела. Что-то я совсем запустила свое семейство. Меня скоро оттуда выпишут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.